

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

ВЫПУСК 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2022

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

МАКСИМЦЕВ И.А. – доктор экономических наук, профессор, ректор СПбГЭУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

БАЕВ В.Г. – доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Юридического института Тамбовского государственного технического университета, почетный работник высшего профессионального образования

БЕРНАЦКИЙ Г.Г. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права СПбГЭУ

ИДРЫШЕВА С.К. – доктор юридических наук, профессор Департамента частного права ВШП АО «Университет КАЗГЮУ имени М.С. Нарикбаева»

КАМЕНКОВ В.С. – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь, Белорусский государственный университет

НОВИКОВ А.Б. – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и административного права СПбГЭУ

РОГАЧЕВСКИЙ А.Л. – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского и корпоративного права СПбГЭУ

РОМАНОВА Л.И., доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Дальневосточного федерального университета

РЫБКИНА М.В. – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского и корпоративного права

ТЮНИН В.И. – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса СПбГЭУ

ФОМИН А.А. – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права СПбГЭУ

ХЛЕБУШКИН А.Г. – доктор юридических наук, заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса

ШЕСТАКОВ Д.А. – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, президент Санкт-Петербургского международного криминологического клуба

ШТАЙНИНГЕР АНДРЕАС – доктор, профессор, Восточный Институт Висмар-Байтен Бурхардт Рехтсанвельте, Германия.

АРИОЛЛИ ДЖОВАННИ – судья Второй уголовной секции, президент налоговой комиссии, профессор Высшей школы судебной власти во Флоренции, профессор Специализированной школы юридических профессий, университет Сапиенца в Риме, Италия

АНТИНУЧЧИ МАРИО – профессор, школа юридических профессий, профессор Специализированной школы юридических профессий, университет Сапиенца в Риме, Италия

SAMUEL D. BERNAL – PhD, MD, MBA, JD, LL.M professor of Adjunct Faculty of Asian institute of management

JÖRG E. WILHELM – Senator h.c. Prof. Dr. iur., Lawyer and President of Supervisory Board

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

КРАЙНОВА Н.А. – кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета СПбГЭУ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

НАЗАРОВ А.П. – ассистент кафедры конституционного и административного права, заместитель декана по учебной работе

Первый выпуск журнала «Ученые записки» Института права Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов вышел в 1999 г., до 2004 г. было опубликовано 10 выпусков журнала. В июне 2004 г. журнал зарегистрирован как средство массовой информации под названием «Ученые записки юридического факультета». В журнале печатаются работы, посвященные теоретическим исследованиям в различных отраслях права и анализу юридической практики.

Подписной индекс по каталогу агентства «Роспечать» — **46705.**

Учредитель издания — федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный экономический университет».

Свидетельство о регистрации средства массовой информации — **ПИ № ФС77-57278.**

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Тепляшин П.В.</i> Государственно-частное партнерство в условиях неолиберального развития пенитенциарных систем.....	4
<i>Зазулин Г.В.</i> Повышение объективности оценки исправления осужденных технологией виброизображения.....	9
<i>Скиба А.П., Малолеткина Н.С.</i> Государственно-частное партнерство в пенитенциарной сфере как способ реализации общественного воздействия в отношении осужденных: некоторые теоретические вопросы.....	16

РАЗДЕЛ 2. ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

<i>Репина А.А.</i> Особенности трудоустройства осуждённых к исправительным работам в организации малого и среднего бизнеса.....	19
<i>Борсученко С.А.</i> Общественный контроль в уголовно-исполнительной сфере: недостатки правового регулирования.....	24
<i>Скаков А.Б.</i> Роль труда в ресоциализации осужденных.....	29
<i>Шнарбаев Б.К.</i> Эффективное взаимодействие служб и учреждений УИС с государственными органами.....	33

РАЗДЕЛ 3. ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

<i>Радошниova Н.В., Крайнова Н.А.</i> Бутырская и Таганская — легендарные тюрьмы Москвы.....	39
--	----

РАЗДЕЛ 4. ПРАВО И ЭКОНОМИКА

<i>Игнатьева Ю.А.</i> Правовой статус свидетеля в налоговых правоотношениях.....	46
<i>Огарь Т.А.</i> Дифференциация административной и уголовной ответственности за нарушения в сфере экономики.....	52

РАЗДЕЛ 5. ЗАРУБЕЖНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Mario Antinucci.</i> The applicant's irreducible life sentence breached the convention: The ECHR leading case Marcello Viola v. Italy and the UE law in the pandemic emergency context.....	57
--	----

РАЗДЕЛ 6. РЕЦЕНЗИИ, ОТЗЫВЫ, ДИСКУССИИ

Отзыв ведущей организации – ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет» – на диссертацию Ткачевой Светланы Валерьевны «Назначение и исполнение наказаний, не связанных с лишением свободы, за ненасильственные корыстные преступления против собственности», представленной на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.....	60
--	----

Раздел 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 343.81: 340.5

Павел Владимирович Тепляшин

Сибирский юридический институт МВД России

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО В УСЛОВИЯХ НЕОЛИБЕРАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ СИСТЕМ

Аннотация. Изложена связь трендов неолиберального развития карцеральных институтов с реализацией концепта государства всеобщего благосостояния, политикой «нулевой терпимости», стратегией «войны с наркотиками». На примере функционирования английской тюрьмы Оуквуд и новозеландской Маунт Иден, управляемых частными операторами, показано проблематичное сочетание неолиберальной политики и государственно-частного партнерства. Сделан вывод о том, что рассмотренное государственно-частное партнерство крайне информативно отражает проблемы соблюдения правового статуса осужденных.

Ключевые слова: концепция «закон и порядок», наркопреступление, негосударственное исправительное учреждение, общественный фактор, тюремная приватизация.

Pavel V. Teplyashin

Siberian Law Institute of the MIA of Russia

PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIPS IN THE NEOLIBERAL DEVELOPMENT OF PENITENTIARY SYSTEMS

Abstract. The connection of neoliberal development trends in carceral institutions with the implementation of the welfare state concept, the «zero tolerance» policy, and the «war on drugs» strategy is outlined. The problematic combination of neoliberal policies and public-private partnerships is exemplified in the operation of the British prison Oakwood and New Zealand's Mount Eden, both run by private operators. It concludes that the public-private partnerships examined are highly informative of the problems of respecting the legal status of the incarcerated.

Key words: law&order concept, drug crime, non-state correctional facility, community factor, prison privatization.

Неолиберальное институциональное развитие пенитенциарных систем является выражением политики компромисса в решении задач результативного исправления и реинтеграции осужденных, всемерного обеспечения личной, общественной и государственной безопасности. Наиболее важные тренды неолиберального развития пенальных практик при государственно-частном партнерстве могут быть представлены следующими зависимостями:

1) отсутствие непосредственной (при сохранении функциональной) связи между уровнем преступности и карательными притязаниями государства, выражающимися в коэффициенте лиц, содержащихся в исправительных учреждениях, но наличие достаточно прочной связи между реализацией проектов государственно-частного партнерства и ростом системного нарушения прав заключенных;

2) наличие роста ретрибутивной риторики в судебно-пенитенциарной сфере тех государств,

которые обращаются к активному внедрению проектов частных тюрем;

3) обнаружение кумулятивного характера пенальности, то есть постоянно и длительное либо ослабление карательных притязаний к заключенному при реализации государственно-частного партнерства, либо их ужесточение.

Также нельзя не отметить, что с большой долей вероятности отмеченные тренды отражают реализацию концепта государства всеобщего благосостояния. Ведь в концептуальном смысле данная идея предполагает мир, равный для всех в нем живущих. Как известно истоки такого концепта содержатся в «Левиофане» Томаса Гоббса (Thomas Hobbes). В свою очередь Джон Роулз (John Bordley Rawls) в своей работе «Теория справедливости» (1971) [3] обосновал, что распределение первичных благ среди населения допустимо именовать справедливым только в случае, когда реализуется наибольшее благосостояние наименее обеспеченного индивидуума в обществе. Движение в направлении всеобщего благосостояния осуществляется одновременно с проектированием системы международных институтов и комплекса соответствующих средств, которая поддерживает соответствующий напор на правовую сферу. Под «напором» таких идей и практических шагов фактически происходит размывание национального «законотворческого» суверенитета в области исполнения уголовных наказаний и пенитенциарного права.

Важнейшая проблемная область неолиберального институционального развития пенитенциарных систем заключается в росте численности тюремного населения. Так, на фоне того, что в начале 2-х тысячных годов уровень преступности испытывал небольшое, но стабильное снижение как в США, так и многих государствах Европы все же наблюдается рост тюремного населения. Например, если в 1970 году в США насчитывалось 328 тысяч заключенных, то в 2018 году – уже 2 млн. 102 тысячи. Во Франции в 2002 году насчитывалось 45 тысяч заключенных, в 2020 – уже 77 тысяч; в Англии за тот же срок тюремное население возросло с 70 тысяч до 77, а в Турции – с 59 тысяч до 264 тысяч. Политика неолиберального развития пенитенциарных фактически стартовала момента реализации с начала 70-х годов XX столетия стратегий «войны с наркоти-

ками» («war on drugs») и «закон и порядок» («law and order»). Так, достаточно жесткий подход США к проблеме наркотизации закономерно привел к существенной финансовой и даже военной помощи странам Латинской Америки в противодействии наркоугрозе, что определило и высокие карательные притязания к лицам, участвующим в незаконном обороте наркотиков, и, соответственно, рост тюремного населения. К настоящему времени во многих латиноамериканских странах удельный вес осужденных, отбывающих тюремное заключение за наркопреступления, достигает 25–30% от общего числа заключенных. В свою очередь реализация концепции «закон и порядок» выстраивалась на поддержании программ усиления защиты граждан (например, «Инициативы по безопасности граждан» (CSI)), усилении профилактической функции уголовного наказания за счет применения тюремного заключения даже за деяния, не представляющие высокой общественной опасности, а также увеличения продолжительности сроков изоляции от общества и снижение возраста уголовной ответственности (в частности, с 12-летнего возраста в Боливии, Коста-Рике, Сальвадоре и Перу, с 13-летнего в Уругвае) [9, с. 74–83].

Также в рамках неолиберального развития пенитенциарных систем активизируется политика «нулевой терпимости», а тюремное население не снижается даже в эпоху так называемого «умного реагирования на преступность». Обнаруживается рефрен концепции «ничего не работает» и вновь приобретает популярность научная позиция об отрицании эффективности и реинтеграционной несостоятельности практически любых мер обращения с осужденными.

Идеи пенального неолиберализма сопряжены и с включенностью пенитенциарной системы в экономические отношения, в которых преобладает действие принципа свободного рынка и минимального вмешательства государства в социальное обеспечение, с привилегированным участием предпринимательских структур. Расширение неолиберальной политики привело к сдвигу в структуре капиталистических отношений в сторону ослабления взаимодействия между внутренней и внешней политикой с одной стороны и финансового капитала – с другой. В результате создавалось давление на прибыльность

капитализма в его фордистской модели, ориентированной на повторное производство. Данные процессы весьма симптоматично отразились на сфере исполнения уголовных, в первую очередь пенальных наказаний.

Фактически, популяризация идеи государственно-частного партнерства находится в границах американской пенитенциарной идеологии, поскольку именно она содержит основные известные риски карцеральной гиперинфляции и лишь только утилитарного подхода к наказанию. В частности, американская концепция частных тюрем идет в разрез с Конвенцией 1930 года Международной организации труда «Относительно принудительного или обязательного труда», согласно которой лица, отбывающие наказания в местах лишения свободы, не могут быть уступлены или переданы в распоряжение частных физических или юридических лиц. Ведь в соответствии с Конвенцией осужденные привлекаются к обязательному для них труду, а такой труд должен находиться под контролем государственных органов и осуществляться в государственных пенитенциарных учреждениях.

В этих условиях государственно-частное партнерство порождает феномен социально-правового оксюморона, а именно: удельное возрастание общественного фактора в различных сегментах функционирования исправительных учреждений не только предполагает усиление состояния защищенности прав человека и либерализацию условий содержания осужденных, но и достаточно информативную передачу настроений среди населения на процессы исправительно-профилактического воздействия, а также так называемую коммодификацию карцеральных институтов, то есть приобретение ими свойств потребительского товара. Ведь государство, особенно в условиях неолиберальной политики уголовного правосудия, зачастую разжигает общественное беспокойство о состоянии противодействия преступности и тем самым оно способно получать поддержку от населения о необходимости использования всех возможных средств оптимизации функционирования пенитенциарной системы, в том числе путем задействования институтов государственно-частного партнерства. Здесь нельзя не привести импонирующую нам концепцию коммодификации «частных карцеральных учреждений»

американских криминологов Дэвида Дагана (David Dagan) и Стивена М. Телеса (Steven M. Teles), которые обосновали идею о том, что именно население формирует общие тренды в области уголовного правосудия. Соответственно, государство, особенно в условиях неолиберальной политики уголовного правосудия, может разжигать общественное беспокойство о состоянии борьбы с преступностью и тем самым получать достаточную поддержку от населения о необходимости построения политики жесткого противодействия преступности [7, с. 127–153]. В унисон указанной теории Питер К. Эннс (Peter K. Enns) и Марк Д. Рамирез (Mark D. Ramirez) пишут: «современные движения за реформу уголовного правосудия были ограничены, поскольку они не могли переместить значительный уровень общественной поддержки в пользу менее карательных альтернатив» [8, с. 549].

На конкретных примерах можно представить проблемы реализации ранее указанных трендов.

Так, управляемые частными операторами некоторые английские исправительные учреждения, как отмечают Хосе Алонсо (José M. Alonso) и Рис Эндриус (Rhys Andrews), обладают преимуществами перед государственными применительно к условиям содержания заключенных, но характеризуются более низким состоянием дисциплины и обеспечением безопасности осужденных. Такой вывод основывался на специально разработанной методике комплексного учета различных факторов (в частности, размера тюремных зданий и помещений, особенностей правового статуса и криминальной активности контингента заключенных, степени и интенсивности наполняемости тюрем, скриптов системы тюремного управления) и задач исправительного учреждения (например, гуманитарная направленность обращения с осужденными, меры по их реабилитации, коэффициент попыток побегов и насильственных инцидентов) [5, с. 239–248]. Однако, представители Орегонского государственного университета Бретт Бакхардт (Brett Burkhardt) и Алиша Джонс (Alisha Jones) указывают, что уровень судебной реакции на различные нарушения прав заключенных находится в достаточно слабой взаимосвязи с результатами тюремной приватизации. По мнению обозначенных ученых, содержание осужденных в пенитенциарных учреждениях

является обязанностью исключительно государства, тогда как частные тюрьмы, использование которых в целом способно принести экономическую выгоду, снижают моральные требования к человеку и представляют угрозу для его прав за счет снижения доверия к жалобам заключенного на персонал частного исправительного учреждения и зачастую оправдания неправомерных действий сотрудников [6, с. 39, 50].

Можно сказать несколько слов и относительно проекта «тюрем быстрого строительства», который, как мы знаем, охватывает возведение суперразмерных тюремных комплексов и предполагает тюремную приватизацию. При первом рассмотрении такого «симбиоза» идея приватизации в пенитенциарной сфере логично вписывается в реализацию задачи экономической рентабельности проекта «тюрем быстрого строительства». Вместе с тем, например, построенная в 2012 году крупнейшая английская частная тюрьма Оуквуд (HM Prison Oakwood), управляемая компанией G4S, получила существенные упреки со стороны главного инспектора британских тюрем Ника Хардвика (Nick Hardwick), который обнаружил достаточно распространенные факты насилия между осужденными и весьма жесткие силовые методы усмирения заключенных, применяемые персоналом. Пенитенциарное учреждение было признано самым «наркотически зависимым» исправительным заведением страны, в котором, как отмечал инспектор, «наркотики достать легче, чем кусок мыла» [2].

Также вызывает научный интерес пример с новозеландской частной тюрьмой «Маунт Иден», с неофициальным названием – «Тюрьма Райской горы», в которой в 2015 году произошел инцидент с демонстрацией на YouTube передач «бойцовского клуба», функционирующего с ведома администрации исправительного учреждения. Кроме того, обнаружилось систематические факты употребления алкоголя и наркотиков, издевательств и насилия над заключенными.

Более того, президент новозеландской Ассоциации исправительных учреждений Беван Ханлон (Bevan Hanlon) обвинил частного тюремного оператора Serco в занижении сведений о фактах неправомерного насилия в Маунт Иден. Как результат средства массовой информации стали обличать схемы государственно-частного пар-

тнерства и высказывать обеспокоенность по поводу такого подхода к управлению исправительными учреждениями. В общественном сознании экономическая резонантность использования частных тюрем отошла на второй план, тогда как проблемы социальной стигматизации исправительного учреждения и его переориентирование исключительно для муниципальных нужд стало предметом активного обсуждения.

После данного инцидента перспектива дальнейшего делегирования «карцеральной власти» частным компаниям настораживала общественность и государственных деятелей. Насильственные инциденты в среде осужденных стали использоваться для лоббирования политических интересов движений, являющихся противниками пенитенциарной приватизации, что, в свою очередь, все более раздражало общественность. Обнаружились сугубо политические, а не нравственно-правовые интересы в государственно-частном партнерстве. В итоге, социальное недоверие к этому явлению в пенитенциарной сфере стало постепенно сменяться желанием обнаружить не только экономическую и инвестиционную обоснованность тюремной приватизации, но и управленческую, решение вопросов безопасности, ресоциализации (при этом нельзя не согласиться с Н.А. Крайновой в том, что «вопросы, связанные с ресоциализацией, приобретают особое значение в постиндустриальном обществе» [1, с. 35]) и даже экологии. Постепенно понимание значимости государственно-частного партнерства в пенитенциарной сфере для экономического стимулирования местного производства, развития социальной инфраструктуры и решения проблем предоставления рабочих мест приобрело четкий социально ориентированный и востребованный характер. Здесь нельзя не согласиться с А.П. Скиба в том, что в настоящее время целесообразно «расширить взаимодействие между государственными органами и хозяйствующими организациями, заинтересованными в таком сотрудничестве, за счёт создания т. н. негосударственных исправительных учреждений (в т. ч. с учётом опыта Великобритании, Германии, США, Франции и ряда других стран)» [4, с. 79].

В качестве вывода, можно отметить, что институт государственно-частного партнерства в современных пенитенциарных системах, во-первых,

выступает в основном результатом неолиберальной реструктуризации тех слоев населения, которые наиболее сильно пострадали от сокращения благосостояния и снижения уровня занятости,

во-вторых, он находится в состоянии активной турбулентности и крайне информативно отражает проблемы соблюдения правового статуса осужденных.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Крайнова Н.А. Ресоциализация осужденных в условиях постиндустриального (информационного) общества: от идеи до воплощения // Уголовно-исполнительное право. 2021. Т. 16 (1–4). № 1. С. 34–43.
2. Леклерк Б. Наркотюрьма // Преступление и наказание. 2014. № 2. С. 64–65.
3. Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995. 532 с.
4. Скиба А.П. О некоторых направлениях развития уголовно-исполнительного права // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2019. № 4. С. 77–85.
5. Alonso J.M., Andrews R. How Privatization Affects Public Service Quality: An Empirical Analysis of Prisons in England and Wales, 1998–2012 // International Public Management Journal. 2015. V. 19. I. 2. P. 235–263.
6. Burkhardt B.C., Jones A. Judicial Intervention into Prisons: Comparing Private and Public Prisons from 1990 to 2005 // Justice System Journal. 2016. V. 37. I. 1. P. 43–51.
7. Dagan D., Teles S.M. The social construction of policy feedback: Incarceration, conservatism, and ideological change // Studies in American Political Development. 2015. V. 29. I. 2. P. 127–153.
8. Enns P.K., Ramirez M.D. Privatizing punishment: testing theories of public support for private prison and immigration detention facilities // Criminology. 2018. V. 56. I. 3. P. 546–573.
9. Wacquant L. The global firestorm of law and order: On punishment and neoliberalism // Thesis Eleven. 2014. V. 122. I. 1. P. 72–88.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

ТЕПЛЯШИН Павел Владимирович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России. Контакты: ул. Рокоссовского д. 20 г. Красноярск, Россия, 660074. E-mail: pavlushat@mail.ru, Тел.: 8(913)535–44–78

AUTHOR

TEPLYASHIN Pavel V. – Doctor of Law, Assoc. prof., Professor of the Criminal Law and Criminology Department of the Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk). Contacts: 20 Rokossovsky str., Krasnoyarsk, Russia, 660074.

Дата поступления статьи в редакцию: 29.04.2022 г.

УДК 343

Георгий Васильевич Зазулин

ООО «Многопрофильное предприятие «Элсис»

ПОВЫШЕНИЕ ОБЪЕКТИВНОСТИ ОЦЕНКИ ИСПРАВЛЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЕЙ ВИБРОИЗОБРАЖЕНИЯ

Аннотация. Предложено повышение объективности судебных решений по предоставлению или отказу в предоставлении свободы осужденным, обратившимся в суд с ходатайством об условно-досрочном освобождении. Обсуждается путь повышения объективности оценки их исправления. Показана научно-техническая возможность точного определения степени исправления осужденных с помощью метода нейролингвистического профайлинга, созданного на основе технологии виброизображения.

Ключевые слова: осужденный, исправление, условно-досрочное освобождение, виброизображение, нейролингвистический профайлинг, объективная оценка исправления.

George V. Zazulin

Elsys Corp

INCREASING THE ASSESSMENT OF CONVICTS CORRECTION OBJECTIVITY BY VIBRAIMAGE TECHNOLOGY

Abstract. Proposed increasing the objectivity of court decisions on granting or refusing to grant freedom to convicts who have applied to the court with a petition for parole. The way of increasing the objectivity of the assessment of their correction is discussed. The scientific and technical possibility of accurately determining the degree of convict's correction using the method of neuro-linguistic profiling, created on the basis of vibraimage technology, is shown.

Keywords: convict, correction, parole, vibraimage, neuro linguistic profiling, objective assessment of correction.

Введение

По российскому законодательству лицо, отбывающее наказание в виде лишения свободы, может быть условно-досрочно освобождено (далее – УДО), если суд установит, что для исправления нет необходимости в отбывании всего назначенного судом наказания.

К сожалению, практика применения УДО допускает массу случаев досрочного выхода на свободу лиц, которые фактически не встали на путь исправления. Установлено, что «уровень рецидива в течение трех лет после освобождения из колоний общего режима зависит в целом от вида освобождения. При среднем уровне 55% постепенный рецидив среди освобожденных по истечении срока равен 46,8%, а среди освобожденных условно-досрочно – 68,5%. Иными словами, более чем две трети лиц, условно-досрочно

освобожденных из колоний общего режима, в течение трех лет вновь совершают преступление» [19, с. 112–115]

Цена необоснованного условно-досрочного освобождения может быть слишком высокой. Например, Сафронов Н.Е., ссылаясь на уголовное дело № 2–91/2002 (Архив Верховного Суда РФ, 2002 г.) приводит такой факт: «рецидивист Ч., освобожденный условно-досрочно с формулировкой в постановлении: «доказавший свое исправление», в первый же день в состоянии опьянения топором зарубил двух пенсионерок, трупы которых сжег вместе с их жилищем» [21].

Институт УДО, справедлив и приносит пользу обществу при условии, что его применение ограничено только теми осужденными, которые досрочно оказавшись на свободе, не совершат новых преступлений.

В последнее время активно развиваются психофизиологические технологии, позволяющие определять намерения людей (на лояльность, агрессивность, терроризм и т. д.) в различных сферах их деятельности [27; 1, с. 368]. Одной из наиболее информативных технологий исследования различных личностных характеристик человека является метод психофизиологического тестирования, разработанный на основе технологии виброизображения [7; 9, с. 25–33].

Целью настоящего исследования является рассмотрение возможности принятия судьёй решения об УДО с учётом объективной оценки степени исправления осужденного, измеренной методом психофизиологического тестирования (нейролингвистического профайлинга), разработанным на основе технологии виброизображения.

Необходимость повышения объективности оценки исправления осужденных, ходатайствующих об УДО

Целью Уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации является «исправление осужденных и предупреждение преступлений, как осужденными, так и иными лицами» [26]. Поэтому законодатель прямо указывает, что процесс исправления осужденных означает формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам, традициям человеческого общежития и правопослушному поведению. В соответствии с данными требованиями законодательства суд, рассматривая ходатайство осуждённого об УДО, должен стремиться максимально достоверно выяснить как отбывание части наказания повлияло на осужденного, а именно: встал ли он на путь исправления и в какой-то мере продвинулся на этом пути; превратился под влиянием уголовной (тюремной) контркультуры в ещё более антисоциальную (криминальную) личность или практически остался таким же, каким был раньше, т. е. на момент вынесения ему приговора?

Если суды освобождают по УДО тех осужденных, которые не исправились или стали еще хуже, и отказывают в УДО, тем осужденным, которые этого достойны, то такое неправильное применение УДО приводит к целому ряду «негативных последствий: возникновению у лица, освобожденного без достаточных оснований,

чувства безнаказанности; нанесению ущерба задачам как специального, так и общего предупреждения преступности, а именно в случае совершения досрочно освобожденным нового преступления; подрыву в глазах общества авторитета суда и органов, исполняющих наказание, в части применения, реализации и осуществления наказания» [24].

К сожалению, именно это часто происходит на практике, вследствие чего результаты применения института УДО выглядят весьма удручающе. В 2012 году дошло до того, что ФСИН на слушаниях в Общественной палате РФ внесла предложение о введении института присяжных заседателей для участия в процессах по рассмотрению ходатайств об УДО, предложив рассматривать ходатайства осужденных об УДО присяжным, а не профессиональным судьям, как сейчас. Попытаться что-то изменить ФСИН вынуждает их собственная статистика: «за год 9 тысяч осуждённых с положительными характеристиками остались за колючей проволокой, а 4 тысячи с лишним экзков с отрицательными досрочно вышли на свободу» [21].

В 2018 году доценты Самарского юридического института ФСИН России, кандидаты юридических наук Дроздов А.И. и Орлов А.В. признали, что «сомнения в объективности решений суда по вопросам условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в последнее время возникают не только у далеких от правовых проблем лиц, но и у профессиональных юристов». Они приводят в качестве аргумента «скандал с предоставлением УДО известной фигурантке громкого уголовного дела «Оборонсервиса» Евгении Васильевой», доказывают, что это не единичный случай, «когда факты коррупции или предвзятого отношения при решении вопроса об УДО становятся достоянием общественности», и убеждены в необходимости повышения объективности принятия решений по предоставлению или отказу в предоставлении УДО [2, с. 158–165].

Кроме того, они убеждены в том, что хотя за период с 2010 по 2017 г. и было принято не менее восьми федеральных законов, направленных на повышение эффективности института УДО, критерии применения УДО по-прежнему не приобрели достаточной конкретности. С их точкой

зрения солидарны Потоцкий Н. К., Ратушный Е.Е., утверждающие, что «в действующем законодательстве отсутствуют единообразные критерии, определяющие степень исправления, что порождает проблемы в правоприменительной практике, приводит к расширению сферы судебного усмотрения и определенным злоупотреблениям со стороны администраций» [17, с. 38–45].

Представляется, что наиболее принципиальный и точный ответ на вопрос о том, почему в рамках сложившейся практики применения УДО не удается уменьшить опасность судебного субъективизма и произвола, изложен в сборнике трудов конференции Пермского института ФСИН России (2019 год): «Основным препятствие к получению УДО очень часто являются судьи и прокуроры, они обычно при вынесении решения руководствуются не нормами закона, а собственными представлениями о том, какой срок должен отсидеть осужденный, и что он должен сделать для освобождения. Необходимо помнить о том, что администрации исправительных учреждений часто отказывают в предоставлении положительной характеристики, требуя плату “за выход”» [20, с. 122–123].

Возможность повышения объективности оценки исправления осужденных, ходатайствующих об УДО

Убедившись в необходимости повышения объективности оценки исправления осужденных, ходатайствующих об УДО, перейдем к изучению вопроса о том, какие есть реальные научно-технические средства (аппаратные комплексы, новые компьютерные технологии и т. д.), на основе которых возможна разработка инструментального метода и методик, которые в определенных условиях единицах позволяли бы с высокой точностью объективно измерять степень исправления осужденного и могли бы служить судье подспорьем при рассмотрении ходатайств об УДО.

Однако прежде, чем приступить к их непосредственному рассмотрению, остановимся на одном существенном моменте.

В современных работах, посвященных исследованию проблем применения института УДО в России [6, с. 35], можно встретить со ссылкой на Зельдова С. И. утверждение о невозможности науки достоверно определять исправление осуж-

денного: «суд не в состоянии с абсолютной достоверностью определить исправление осужденного, т. к. современная наука о человеке пока не может вооружить его такими знаниями» [3, с. 136]. Что, в связи с этим следует отметить? Зельдов С.И. действительно прав, так как утверждал это в 1982 году, почти 40 лет назад. С ним можно не согласиться в другом. В той части, что суду нужна «абсолютная достоверность». Думаю, что судьи, рассматривающие ходатайства об УДО на практике, были бы весьма признательны науке уже за методы, гарантирующие достоверность оценки исправления осужденного с точностью 90–95%. Тем же, кто и сегодня думает так же, как думал Зельдов 40 лет назад, все сомнения должно развеять чтение статьи «США: вопросы УДО решает компьютер», которая была опубликована в Ведомостях уголовно-исполнительной системы еще в 2014 году [4, с. 71].

Современная **отечественная психофизиология** накопила собственный интересный опыт исследования различных характеристик личности человека в ходе его психологического тестирования с помощью использования автоматизированных контактных и бесконтактных систем мониторинга различных физиологических (бессознательных) реакций на предъявляемые вопросы-стимулы [5, с. 2317–2321]. Вот характерный пример. На выставке IV Международного пенитенциарного форума «Преступление, наказание, исправление» в Рязани (2019) «особый интерес у посетителей выставки вызвал **аппаратно-программный комплекс** стандартизированного вербального опроса на базе антропоморфного социального интерфейса (робот-андроид) RiskControl, который может быть применен в деятельности психологической службы УИС с целью проведения опроса, формализованного интервью, психологического тестирования или детекции лжи» [18, с. 12].

Разве возможности демонстрируемого аппаратно-программного комплекса RiskControl не могут быть использованы в суде для получения достоверной информации об осужденном и повышения объективности оценки его исправления? Ведь одно дело при рассмотрении ходатайства об УДО знакомиться с представленными в суд характеристиками и справками, зачастую содержащими противоречивую информацию, которую

сложно проверить, и совсем другое дело непосредственно в суде тестировать «кандидата на УДО» на степень честности сопоставимой со степенью исправления, задавая вопросы подобные этим: «Вы соблюдаете режим содержания? Какие у Вас есть поощрения? Имеются ли у Вас взыскания? Участвуете ли Вы в общественной жизни исправительного учреждения? Вы рассказываете в совершенном преступлении? Есть ли у Вас постоянное место жительства? Где Вы собираетесь работать после получения УДО?» и т. д.

Одной из самых перспективных технологий психофизиологической детекции является технология виброизображения, использующая разработанные в вибропсихологии поведенческие характеристики личности и применяемые в кибернетической психологии математические и методологические принципы [11]. Она максимально подходит для объективизации оценки исправления осужденного, так как на её основе уже разработан **метод нейролингвистического профайлинга** (VibraNLP), позволяющий объективно оценивать степень склонности человека к терроризму [14, с. 104–110].

Метод

Технология виброизображения [7; 12, с. 9–16] уже доказала свою эффективность в решении практических задач объективизации результатов в области психологии [15, с. 134–139], множественного интеллекта и способностей человека [10], медицины [28] и безопасности [8, с. 27–32].

Для применения технологии виброизображения в принятии судебных решений по ходатайствам осужденных об УДО необходима разработка специальной программы, заточенной на цель уголовно-исполнительного законодательства – исправление осужденных (устранение негативных свойств и качеств личности преступника, обусловивших совершение преступления). Однако поскольку законодатель (УИК РФ) не только отдал решение вопроса об исправлении осужденного на судебное усмотрение, но и отказался от градации степеней исправления осужденных, потребность в которой подтверждает практика организации воспитательного процесса в специальных учреждениях ФСИН [22, с. 422–428], вначале необходимо определить весь набор **объективных критериев исправления осужденного**. В связи

с тем, что в УИК РФ есть лишь некоторые показатели исправления осужденных, полагаю возможным использовать такие критерии, которые выявлены на уровне научных публикаций. Например, можно взять за основу «критерии оценки исправления осужденного к лишению свободы: 1) соблюдение режима содержания; 2) участие в общественно полезном труде при условии привлечения к таковому; 3) участие в воспитательных мероприятиях; 4) получение общего и профессионального образования при отсутствии такового; 5) критичное отношение к криминальной субкультуре; 6) отрицательное отношение к неформальным группам; 7) признание вины в совершенном преступлении; 8) признание справедливости кары; 9) раскаяние в совершенном преступлении; 10) возмещение ущерба, причиненного преступлением, при наличии объективных возможностей», предложенные проф. Л.Б. Смирновым (2017). Перечисленные критерии позволяют выделить категории осужденных, необходимые для разработки шкалы опросника, позволяющего тестировать «кандидатов на УДО» методом адаптивного психологического тестирования (нейролингвистического профайлинга) [13, с. 111–120]. Так как данный метод обеспечивает более высокую точность по сравнению с известными психологическими методами диагностики (анкеты, опросники, тесты и др.), мне представляется, что такая задача может быть решена.

Обсуждение

Вывод о необходимости повышения объективности оценки исправления осужденных очевиден, ведь все попытки реформирования института УДО в рамках отраслевого (ведомственного) подхода не привели к успеху, а практическое применение института условно-досрочного освобождения зашло в тупик, и его применение ежегодно снижается. Современная практика применения института УДО пока не нашла такой формы реализации, которая однозначно способствовала бы повышению удовлетворенности российских граждан степенью защищенности своих конституционных прав, свобод и интересов («в том числе от преступных посягательств») и, следовательно, в том виде, в каком практика УДО сегодня осуществляется, она ослабляет национальную

безопасность государства [23]. Фактически сложилась **конфликтная ситуация**: применять УДО и нужно, и нельзя.

Есть ли выход из этой ситуации? Почему его не видят юристы, исследующие институт УДО, чиновники, которые осуществляют реформу судебной системы? При непредвзятом осмыслении клубка противоречий, накопившихся внутри института УДО, совершенно очевидно, что для досрочного освобождения от наказания только тех осужденных, которые действительно исправлись за время отбытия части наказания, суду, рассматривающему ходатайство об УДО, необходимы инструменты (технологии), использование которых позволит объективизировать представления судьи о нравственном мире осужденного и степени его исправления.

Одно дело формировать свои представления об особенностях личности осужденного только на основании изучения различных документов (ходатайства об УДО, заключения администрации, характеристик, справок и т. д.), а другое дело иметь возможность опираться на (получаемые буквально за несколько минут непосредственно в процессе судебного рассмотрения ходатайства) результаты тестирования осужденного методом нейролингвистического профайлинга, который в отличие от традиционных методов психодиагностики можно специально разработать для объективной оценки степени исправления осужденного путем измерения бессознательных реакций тестируемого на вопросы-стимулы.

Проблема заключается в том, что как и 40 лет назад, все решения судов об УДО в настоящее время принимаются только на основе субъективного мнения участников рассмотрения ходатайства, а появившиеся в разных сферах (например, в телевизионных ток-шоу) современные технологии, позволяющие получать достоверную информацию о характеристиках личности (например, полиграфы) для повышения точности оценки степени исправления/криминализации осужденного, не используются. В связи с этим можно предположить, что раньше, чем в судебной системе (известной своим консерватизмом) внедрение новых компьютерных технологий для оценки степени исправления осужденного в процессе отбывания наказания, будет происходить по инициативе **воспитательной службы ФСИН**,

в которой трудится около 5,5 тысяч сотрудников. Ведь воспитательная работа с осужденными в исправительных учреждениях – важная составляющая процесса исправления тех, кто преступил закон. А реальным их союзником в этом деле будет **психологическая служба**, так как методики анализа «динамики объективных психологических маркеров, определяющих уровень криминальной зараженности личности осужденного к лишению свободы, как одних из критериев оценки степени его исправления в процессе отбывания наказания» уже созданы [25, 147–161]. Не случайно Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года рекомендует «совершенствование научно-технического обеспечения деятельности психолога, оптимизация его диагностического инструментария за счет внедрения автоматизированных диагностических программ» [16].

Заключение

Результаты, полученные технологией виброизображения [7; 11; 13; 15] и разработка на основе данной технологии методики адаптивного психологического тестирования [13], позволяют предположить возможность получения (непосредственно в ходе судебного рассмотрения) **объективной оценки степени исправления осужденных**, измеренной по шкале опросника: 1) исправившиеся, или доказавшие свое исправление, 2) твердо вставшие на путь исправления, 3) вставшие на путь исправления, 4) становящиеся на путь исправления, 5) не вставшие на путь исправления, 6) злостные нарушители режима содержания (включая лидеров и членов групп отрицательной направленности) [22, с. 422–428]. Практическое использование объективной оценки исправления осужденного в судах должно существенно **повысить правильность принятия решений** по предоставлению или отказу в предоставлении УДО и обеспечить снижение рецидивной преступности освобожденных досрочно, чтобы её уровень стал ниже уровня рецидивной преступности освобожденных по сроку. Необходимо организовать проведение организационно-технических мероприятий, позволяющей объективно оценивать исправление осужденных, как неотъемлемой части судебной процедуры рассмотрения ходатайств об УДО.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Данилова Н.Н. Психофизиология: учебник. М.: Аспект Пресс, 2012. 368 с.
2. Дроздов А. И., Орлов А. В. Актуальные проблемы условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 1 (86). С. 158–165.
3. Зельдов С. И. Освобождение от наказания и его отбывания. М.: Юрид. лит., 1982. 136 с.
4. Кастренакес Джейкоб (перевод В. Коробкина). США: вопросы УДО решает компьютер // Ведомости уголовно-исполнительной системы 2014. № 6. С. 71.
5. Колочкин С. М., Марунич О. Ю., Минкин В. А., Седин В. И. Психофизиологическая объективизация результатов психологического тестирования. Проблемы и пути решения // Фундаментальные исследования. 2014. № 9. С. 2317–2321.
6. Котлярова М. В. Институт условно-досрочного освобождения. Магистерская диссертация. Томск. Институту УДО. 2016 г. С. 35.
7. Минкин В. А. Виброизображение. СПб.: Реноме, 2007. 108 с.
8. Минкин В.А., Целуйко А.В. Практические результаты применения систем технического профайлинга для обеспечения безопасности на транспорте // Транспортное право. 2014. № 3'14. С. 27–32.
9. Минкин В.А. Сравнительное психофизиологическое тестирование с предъявлением аудио и видео информации // Журнал Безопасность Жизнедеятельности. 2016. № 10. С. 25–33.
10. Минкин В. А., Николаенко Я. Н. Виброизображение и множественный интеллект. СПб.: Реноме, 2017. 156 с.
11. Минкин В.А. Виброизображение, кибернетика и эмоции. СПб.: Реноме, 2020. 164 с.
12. Минкин В.А. Вибропсихология как самостоятельное научное направление // Современная психофизиология. Технология виброизображения. Тр. 3-й Международной научно-технической конференции VIBRA2020. 25–26 июня 2020 года. Санкт-Петербург. Россия / под ред. Минкина и др. СПб. Многопрофильное предприятие «Элсис». 2020. С. 9–16.
13. Минкин В.А., Николаенко Я.Н. Адаптивное психологическое тестирование. Совмещение предварительного и основного тестирования в нейро-лингвистическом профайлинге // Современная психофизиология. Технология виброизображения. Тр. 3-й Международной научно-технической конференции VIBRA2020. 25–26 июня 2020 года. Санкт-Петербург. Россия / под ред. Минкина и др. СПб. Многопрофильное предприятие «Элсис». 2020. С. 111–120.
14. Николаенко Я.Н. Разработка и апробация стимулов при адаптивном тестировании различных форм экстремизма. // Современная психофизиология. Технология виброизображения. Тр. 3-й Международной научно-технической конференции VIBRA2020. 25–26 июня 2020 года. Санкт-Петербург. Россия / под ред. Минкина и др. СПб. Многопрофильное предприятие «Элсис». 2020. С. 104–110.
15. Николаенко Я.Н., Зазулин Г.В. Нейролингвистический профайлинг, как метод объективизации оснований для условно-досрочного освобождения. Современная психофизиология. Технология виброизображения. Тр. 4-й Международной научно-технической конференции VIBRA2021. 25–26 июня 2021 года. Санкт-Петербург. Россия / под ред. Минкина и др. СПб. Многопрофильное предприятие «Элсис». С. 104–110.
16. О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации от 2020 года. Распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010 N 1772-р (ред. от 23.09.2015). [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.legalacts.ru/doc/rasporjzhenie-pravitelstva-rf-ot-14102010-n-1772-r/> (дата обращения: 30 марта 2021).
17. Потоцкий Н. К., Ратушный Е.Е. Тенденции развития института условно-досрочного освобождения // Образование и право. 2016. № 4. С. 38–45.
18. «Преступление, наказание, исправление» как дискуссионная площадка по проблемам исполнения уголовных наказаний России // Ведомости УИС. 2020. № 1 (212). С. 12.
19. Ратушный Е.Е. О некоторых проблемах освобождения от уголовного наказания в Российской Федерации. Право и государство: теория и практика. 2016. № 1(133). С. 112–115.
20. Рязанов С.М., Пономарева В.С. Предоставление УДО лицам, заключённым под стражу // Сборнике трудов конференции Пермского института ФСИН России. 2019. С. 122–123.
21. Сафронов Н. Е. Принцип справедливости в судебном усмотрении при условно-досрочном освобождении от отбывания наказания // Отечественная юриспруденция. 2015. № 1 (1).
22. Смирнов Л. Б. Наказание в виде лишения свободы в контексте уголовно-исполнительного права и пенитенциарной практики // Уголовно-исполнительное право. 2017. Т. 12(1–4). № 4. С. 422–428.
23. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ от 31.12.2015 г. № 683.
24. Сэндуляк К. И. О взаимосвязи норм уголовно-процессуального, уголовного и уголовно-исполнительного права, регулирующих УДО // Ведомости уголовно-исполнительной системы № 7/2016. 04.07.2016.
25. Труш В. М., Гомонов Н. Д., В. П. Тимохов. Психологические критерии процесса исправления осужденных к лишению свободы // Вестник Алтайской

академии экономики и права. Юридические науки. 2019. № 9. С. 147–161.

26. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 N 1-ФЗ (ред. от 09.03.2021). [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/ (дата обращения: 30 марта 2021).

27. Cacioppo G.T. et al. Handbook of Psychophysiology, Cambridge University Press.

28. Minkin V.A. et al. Covid-19 Diagnosis by Artificial Intelligence Based on Vibraimage Measurement of Behavioral Parameters, Journal of Behavioral and Brain Science. 2020. Vol. 10, pp. 590–603. DOI: 10.4236/jbbs.2020.1012037.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

ЗАЗУЛИН Георгий Васильевич – научный сотрудник ООО «Многопрофильное предприятие «Элсис», кандидат юридических наук, доцент. Контакты: пр. Тореца, 68, Санкт-Петербург, Россия, 194223. E-mail: zazulin@elsys.ru, Тел.: +7-812-5526719.

AUTHOR

ZAZULIN Georgy V. – researcher at OOO Diversified Enterprise Elsis, Candidate of Law, Associate Professor. Contacts: 68 Torez Ave., St. Petersburg, Russia, 194223.

Дата поступления статьи в редакцию: 29.04.2022 г.

УДК 343.81: 340.5

Андрей Петрович Скиба

Академия ФСИН России

Наталья Сергеевна Малолеткина

Самарский юридический институт ФСИН России

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СФЕРЕ КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ОТНОШЕНИИ ОСУЖДЕННЫХ: НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

Аннотация. В статье на основе анализа теории, а также уголовно-исполнительного и иного законодательства делается вывод о необходимости разработки теоретико-правовых аспектов государственно-частного партнерства в пенитенциарной сфере.

Авторы, рассматривая государственно-частное партнерство в контексте достижения целей уголовно-исполнительного законодательства, полагают, что оно является одним из способов реализации общественного воздействия в отношении осужденных как средства их исправления, а одним из субъектов общественного воздействия – хозяйствующие субъекты и представители предпринимательской среды.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, средства исправления осужденных, общественное воздействие, труд осужденных.

Andrey P. Skiba

Penal Enforcement Law Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia

Natalia S. Maloletkina,

Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP IN THE PENITENTIARY SPHERE AS A WAY TO IMPLEMENT PUBLIC IMPACT ON CONVICTS: SOME THEORETICAL ISSUES

Abstract. Based on the analysis of theory, as well as penal enforcement and other legislation, the article concludes that it is necessary to develop theoretical and legal aspects of public-private partnership in the penitentiary sphere.

The author, considering public-private partnership in the context of achieving the goals of penal enforcement legislation, believes that it is one of the ways to implement public impact on convicts as a means of correcting them, and one of the subjects of public impact is economic entities and representatives of the business environment.

Keywords: public-private partnership, means of correction of convicts, public impact, labor of convicts.

Государственно-частное партнерство в пенитенциарной сфере представляет собой форму взаимодействия государственных органов (в первую очередь, Федеральной службы исполнения наказаний России), институтов гражданского общества (общественных наблюдательных комиссий, религиозных организаций и пр.) и бизнеса (в частности, хозяйствующих субъектов и предпринимателей).

Рассматривая в контексте достижения целей наказания (ст. 43 Уголовного кодекса Российской

Федерации) и целей уголовно-исполнительного законодательства (ст. 1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ)), такое партнерство преимущественно ориентировано на исправление осужденного, которое реализуется путем применения соответствующих средств, предусмотренных в ст. 9 УИК РФ.

Традиционно под государственно-частным партнерством понимается такое общественно значимое взаимодействие государственных органов

и коммерческих организаций, которое позволяет разрешать социально-экономические проблемы, организовывать новые рабочие места для населения и т. п. Не меньшую важность здесь имеет трудоустройство осужденных, без которого практически невозможно говорить об их исправлении и, соответственно, ресоциализации после освобождения от отбывания наказания.

Между тем представляется, что государственно-частное партнерство в пенитенциарной сфере не должно ограничиваться сугубо производственно-экономическими вопросами, посвященными участию бизнес-структур в пенитенциарной сфере и гарантиям обеспечения инвестиций, а также организационно-правовыми аспектами трудоустройства осужденных с привлечением бизнес-структур.

Думается, что государственно-частное партнерство в пенитенциарной сфере является одним из способов реализации общественного воздействия в отношении осужденных как средства их исправления в соответствии со ст. 9 УИК РФ (наряду с принятием участия в воспитательной работе с осужденными, общественным контролем за обеспечением их прав, получением ими образования в негосударственных образовательных организациях (в том числе высшего образования – прим. авт.), оказанием помощи в примирении с потерпевшим путем медиации, деятельностью священнослужителей по обеспечению права на реализацию свободы совести и вероисповедания осужденных, содействием в совершенствовании материально-технической базы исправительного учреждения и пр. – прим. авт.). Субъектами же общественного воздействия могут считаться хозяйствующие субъекты и лица из предпринимательской среды (как и другие представители общественности – из Общественной палаты РФ, общественных палат субъектов РФ, религиозных организаций, родительских комитетов, попечительских советов, общественных наблюдательных комиссий, членов трудовых коллективов, где работают осужденные к обязательным или исправительным работам, а также родители осужденных, другие их близкие родственники и пр.) [1].

В этом случае здесь целесообразно рассматривать различные аспекты: как в целом теорию, правовое регулирование и практику общественно-

го воздействия как средства исправления осужденных и обеспечение прав человека в уголовно-исполнительной системе средствами общественного контроля, так и правовой статус бизнес-структур, институтов гражданского общества и иных субъектов общественного воздействия в отношении осужденных, а также их взаимодействие с учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы. Немаловажным здесь является и анализ международных стандартов и зарубежного опыта в изучаемой области, а также формулирование направлений совершенствования уголовно-исполнительного и иного законодательства, регулирующего многочисленные грани государственно-частное партнерство в пенитенциарной сфере.

При этом в уголовно-исполнительном законе имеется лишь несколько положений, фрагментарно регулирующих общественное воздействие в отношении осужденных (что особенно очевидно при сравнительном анализе с правовой регламентацией других средств исправления, особенно режима, воспитательной работы и общественно полезного труда – прим. авт.) в ч. 2 ст. 9, ч. 4 ст. 12, ч. 1 ст. 24, ч. 6 ст. 47.1, ч. 3 ст. 87, 134, ч. 2 ст. 142, ч. 3 ст. 165 и др. положениях УИК РФ (это требует совершенствования регулирования рассматриваемых вопросов – прим. авт.).

Кроме того, ни в теории уголовно-исполнительного права, ни в законодательстве не определено как таковое содержание общественного воздействия и, соответственно, его разграничение с другими средствами исправления осужденных, что отчасти приводит к его дублированию, в частности, воспитательной работе с осужденными (ст. ст. 47.1, 134, 142, 165 и др. УИК РФ).

Ввиду этого актуальным является подход о разделении средств исправления осужденных на «основные» и «факультативные» [2]. Так, теоретически средства исправления должны применяться ко всем осужденным во время отбывания наказания (они же ведь названы законодателем «основными» в ст. 9 УИК РФ – прим. авт.), однако, даже исходя из положений УИК РФ, это можно подвергнуть сомнению: не предусмотрено в ст. ст. 25–30 проведение воспитательной работы с осужденными к обязательным работам, в ст. ст. 31–32 – привлечение к общественно полезному труду осужденных к штрафу и т. д.

Возможно, общественное воздействие, которое объективно прямо или опосредованно осуществляется в отношении всех категорий осужденных вне зависимости от вида отбываемого наказания, целесообразно отнести к первой из двух вышеназванных групп средств исправления (т.н. «основным», наряду с режимом – прим. авт.), в то время как иные средства исправления – к «факультативным» (эту идею один из авторов данной статьи – Н.С. Малолеткина – озвучила 2 декабря 2020 г. в ходе своего выступления с докладом на круглом столе

«Общественное воздействие как средство исправления осужденных», прошедшем в Санкт-Петербургском университете ФСИН России – прим. авт.) [3].

В связи с изложенным, актуальна разработка теоретических аспектов государственно-частного партнерства в пенитенциарной сфере как способа реализации общественного воздействия в отношении осужденных. Кроме того, также очевидна необходимость совершенствования уголовно-исполнительного и иного законодательства, регулирующего рассматриваемые вопросы.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Малолеткина Н.С., Скиба А.П. Регулирование общественного воздействия как средства исправления осужденных: постановка проблемы // Вестник Кузбасского института. 2021. № 2. С. 70–79.

2. Скиба А.П., Скорик Е.Н. Об основных и факультативных средствах исправления больных осужден-

ных // Уголовно-исполнительное право. 2016. № 2 (24). С. 34–38.

3. Скиба А.П., Никитин Д.А. Круглый стол «Общественное воздействие как средство исправления осужденных» «2 декабря 2020 г.» // Уголовно-исполнительное право. 2020. Т. 15 (1–4). № 4. С. 438–442.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

СКИБА Андрей Петрович – доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовно-исполнительного права Академии ФСИН России. Контакты: Сенная, д. 1, г. Рязань, Россия, 390000.

E-mail: apskiba@mail.ru, Тел.: +7 (918) 850–47–83.

МАЛОЛЕТКИНА Наталья Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Самарского юридического института ФСИН России. Контакты: ул. Рыльская, 24в, г. Самара, Россия, 443022.

E-mail: gpd@samlawin.ru, Тел.: 8 (846) 205–67–39

AUTHORS

SKIBA Andrey P. – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Penal Enforcement Law of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia. Contacts: Sennaya, 1, Ryazan, Russia, 390000.

MALOLETKINA Natalia S. – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of State and Legal Disciplines of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Contacts: 24b Rylskaya str., Samara, Russia, 443022.

Дата поступления статьи в редакцию: 29.04.2022 г.

Раздел 2. ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

УДК 343.242

*Анна Андреевна Репина*ФКУ УИИ ГУФСИН России по Нижегородской области,
Академия ФСИН России

ОСОБЕННОСТИ ТРУДОУСТРОЙСТВА ОСУЖДЁННЫХ К ИСПРАВИТЕЛЬНЫМ РАБОТАМ В ОРГАНИЗАЦИИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА

Аннотация. Исполнение наказания в виде исправительных работ неразрывно связано с трудоустройством осужденных в организации различных форм собственности. При этом наибольшее количество проблем возникает при трудоустройстве осужденных в организациях малого и среднего бизнеса, что зачастую не только усложняет процесс привлечения осужденных к отбыванию наказания, но и в некоторых случаях делает его невозможным. Кроме того, крайне негативно на развитие долгосрочного сотрудничества организаций различных форм собственности и подразделений Федеральной службы исполнения наказаний в части исполнения наказаний в виде исправительных работ сказываются отсутствие механизмов мотивации руководства компаний к приему на работу осужденных к исправительным работам, в том числе тех, кто имеет различные заболевания. Также отсутствие квотирования рабочих мест для данной категории осужденных и высокая нагрузка на представителей администрации организации в части проведения воспитательной работы с осужденными, наличия признаков юридической ответственности в части несвоевременного предоставления сведений в органы уголовно-исполнительной инспекции существенно снижают привлекательность осужденных к исправительным работам на рынке рабочей силы.

Ключевые слова: наказание, исправительные работы, трудоустройство, проблемы, организация, бизнес.

*Anna A. Repina*Federal State Institution of the Penal Enforcement
Inspectorate of the Main Directorate of the Federal Penitentiary Service of Russia
in the Nizhny Novgorod Region,
Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia

FEATURES OF EMPLOYMENT OF CONVICTS TO CORRECTIONAL LABOR IN THE ORGANIZATION OF SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES

Abstract. The execution of punishment in the form of corrective labor is inextricably linked with the employment of convicts in organizations of various forms of ownership. At the same time, the greatest number of problems arises in the employment of convicts in small and medium-sized businesses, which often not only complicates the process of attracting convicts to serve a sentence, but in some cases makes it impossible. In addition, the development of long-term cooperation between organizations of various forms of ownership and departments of the Federal Penitentiary Service in terms of the execution of sentences in the form of correctional labor is extremely negatively affected by the lack of mechanisms to motivate company management to hire convicts

sentenced to correctional labor, including those who have various diseases. Also, the lack of job quotas for this category of convicts and the high burden on representatives of the administration of the organization in terms of educational work with convicts, the presence of signs of legal responsibility in terms of late submission of information to the bodies of the penitentiary inspection significantly reduce the attractiveness of convicts to correctional labor in the labor market.

Keywords: punishment, correctional labor, employment, problems, organization, business.

Трудоустройство осужденных в организации малого и среднего бизнеса является неотъемлемой частью исполнения наказания в виде исправительных работ. При этом, несмотря на то, что казалось бы четко проработанную законодателем систему исполнения указанного вида наказания и организации работы уголовно-исполнительных инспекций по трудоустройству обозначенной категории осужденных, включая лиц, имеющих заболевания, зачастую возникают проблемы в правоприменительной практике, которые не только затрудняют исполнение наказания в виде исправительных работ в должном виде, но и зачастую делают привлечение к отбыванию наказания осужденных к исправительным работам невозможным по ряду обстоятельств, о которых непосредственно пойдет речь в данной статье.

Любое преступное деяние должно быть наказуемо. При этом любое наказание должно в максимальной мере достигать своих целей: восстановления социальной справедливости, исправления лица, совершившего преступление и недопущения совершения указанным лицом преступного деяния в будущем. Для этого законодателем создан широкий перечень наказаний, позволяющий их индивидуализировать с учетом тяжести совершенного преступления, а также с учетом данных о личности преступника: его отношении к совершенному деянию, состоянию здоровья его и его родственников и некоторых иных факторов.

С целью индивидуализации уголовной ответственности в нормах действующего законодательства, помимо наказаний связанных с лишением свободы, предусмотрено 8 видов наказаний, когда не требуется изоляция осужденного от общества. Одним из таких видов наказания является наказание в виде исправительных работ, активно применяемое на практике [1, с. 76]. Так, согласно официальным статистическим данным,

предоставленным Федеральной службой исполнения наказаний (далее – ФСИН) ежегодно свыше пятидесяти тысяч человек отбывают исправительные работы на предприятиях различной организационно-правовой формы собственности.

Основным исправительным элементом, при назначении наказания в виде исправительных работ, является труд осужденных. За выполняемую работу осужденные к исправительным работам получают заработную плату наравне с иными сотрудниками компании, пользуются всеми правами и льготами, предусмотренными трудовым законодательством, однако имеют и ограничения: ежемесячно из их заработной платы в доход государства происходят удержания в размере, указанном в приговоре суда. Данная категория сотрудников не может отказываться от предлагаемой работы, имеет меньшую по сравнению с другими сотрудниками продолжительность ежегодного отпуска и не имеет возможности увольняться из организации без соответствующего на то разрешения контролирующего органа – уголовно-исполнительной инспекции (специально созданного подразделения ФСИН для осуществления контроля за осужденными без изоляции от общества).

Исправительные работы в качестве наказания могут назначаться не только лицам, имеющим постоянное место работы на момент вынесения приговора (как правило, в такой ситуации проблемных вопросов с привлечением к отбыванию наказаний не возникает) [3, с. 39], но и лицам, не имеющим такое место работы. В данном случае их трудоустройством будут заниматься сотрудники уголовно-исполнительной инспекции путем выдачи предписания в организации, включенные в особый перечень мест для отбывания исправительных работ [4, с. 34]. Такие перечни формируются органами местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительными инспекциями

и содержат списки предприятий и организаций, куда осужденный может быть трудоустроен, расположенные в районе места жительства лица, подвергнутого наказанию. Как правило, в данные перечни включаются организации, которые используют труд граждан, не имеющих специальных навыков и образования.

Зачастую, изучая перечни мест для отбывания наказания в виде исправительных работ можно увидеть потребность организаций в грузчиках, разнорабочих, рабочих по благоустройству, дворниках и уборщиках. Казалось бы, проблем в трудоустройстве осужденных к исправительным работам быть не должно, ведь работа дворником под силу любому человеку вне зависимости от его навыков и способностей. Однако на практике реализация данного положения влечет проблемные вопросы, которые не только снижают воспитательное воздействие на осужденного, но и даже делают исполнение приговора практически невозможным.

Во-первых, действующим законодательством не предусмотрено квотирование рабочих мест в организациях, включенных в перечни мест для отбывания исправительных работ. И если на предприятия с численностью персонала от 100 и более человек найти вакантную должность не так сложно, то в организациях малого и среднего бизнеса с численностью персонала в 5–10 человек сделать это, порой, невозможно. Например, в Нижнем Новгороде, в перечне мест для отбывания наказания в виде исправительных и обязательных работ, утвержденном постановлением администрации города, в качестве мест для отбывания наказания встречаются работодатели в виде индивидуальных предпринимателей или товариществ собственников жилья, в которых штатная численность персонала состоит из нескольких человек (Постановление Администрации города Нижнего Новгорода Нижегородской области от 12.07.2011 № 2784 «Об утверждении перечня предприятий, учреждений, организаций, в которых отбывают наказание в виде обязательных или исправительных работ»). В связи с чем трудоустройство осужденного к исправительным работам в указанные организации невозможно на протяжении длительного времени ввиду отсутствия свободных вакансий.

Помимо вышеуказанной проблемы зачастую встречается нежелание представителей организации заключать трудовые договоры с лицами, осужденными к исправительным работам [5, с. 138]. Большая часть лиц, подвергнутых данному уголовному наказанию, страдают различными заболеваниями или пагубными пристрастиями. В связи с чем для них необходимо создавать особые условия труда с учетом их состояния здоровья, а также усиливать контроль во избежание фактов употребления алкогольных напитков, наркотических средств или психотропных веществ на рабочем месте. Так, например, лица, имеющие такие заболевания как ВИЧ или туберкулез (вне стадии, когда человек нуждается в пребывании в закрытых лечебных учреждениях) не могут работать на общих условиях в пыльных цехах либо длительное время находится на ногах, также их работа не должна быть сопряжена с подъемом тяжестей. Учитывая общую специфику вакансий, предлагаемых осужденным к исправительным работам, в качестве возможных мест отбывания наказания, подбор вакансий, удовлетворяющих перечисленным требованиям медицинского характера, становится крайне затруднительным, а в небольших населенных пунктах и вовсе невозможным. При этом в перепрофилировании рабочих мест под запросы конкретного осужденного, с учетом его состояния здоровья, организации малого и среднего бизнеса, как правило, не заинтересованы. А мер к понуждению в принятии осужденных на работу индивидуальными предпринимателями, предприятиями всех форм собственности действующим законодательством не предусмотрено, да и в целом, такие действия противоречат свободе выбора направления развития бизнеса для компаний и организаций. Кроме того, мотивация осужденных к труду находится на достаточно низком уровне, что также не соответствует требованиям руководства компаний, предъявляемым к своим сотрудникам.

Немаловажным фактором, негативно влияющим на формирование долгосрочного позитивного сотрудничества предприятий малого и среднего бизнеса и уголовно-исполнительных инспекций по трудоустройству осужденных к исправительным работам, является перечень

обязанностей, налагаемых требованиями Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации на представителей администрации организации, в которых отбывают наказания осужденные к исправительным работам. В частности речь идет о правильном и своевременном производстве удержаний из заработной платы осужденного и перечисление удержанных сумм в установленном порядке; контроль за поведением осужденного на производстве и содействие уголовно-исполнительной инспекции в проведении воспитательной работы с ним; соблюдение условий отбывания наказания, предусмотренных уголовно-исполнительным законодательством; уведомление уголовно-исполнительной инспекции о примененных к осужденному мерах поощрения и взыскания, об уклонении его от отбывания наказания, а также предварительное уведомление о переводе осужденного на другую должность или его увольнении с работы. При этом за ненадлежащее исполнение возложенных на администрацию организации обязанностей предусмотрена уголовная ответственность. При этом меры поощрения для организации, в которых отбывают наказание осужденные к исправительным работам, например введение налоговых льгот по аналогии с организациями, принимающими на работу инвалидов, в действующем законодательстве отсутствуют.

Все это служит негативными факторами, влияющими на привлечение осужденных к исправительным работам к труду, снижает их привлекательность на рынке рабочей силы, особенно данное положение касается лиц, имеющих заболевания, что в конечном итоге затрудняет исполнение приговоров должным образом.

Кроме того, в своей деятельности сотрудники уголовно-исполнительных инспекций ограничены имеющимся в регионе перечнем мест отбывания наказания в виде исправительных работ (который, к слову, обновляется крайне редко) и не имеют возможности привлекать к работе с данной категорией осужденных специализированные государственные службы в сфере труда и занятости (так называемые Центры занятости населения), которые располагают актуальными сведениями тех или иных организаций о наличии вакантных мест. Например, в Белоруссии к трудоустройству осужденных к исправительным работам активно привлекаются Комитеты по труду и занятости [6, с. 102] (государственные учреждения аналогичные по своей сути отечественным Центрам занятости населения), что существенно снижает нагрузку на уголовно-исполнительные инспекции и повышает эффективность привлечения к труду осужденных к исправительным работам.

Таким образом, сотрудники уголовно-исполнительных инспекций в ходе привлечения осужденных к исправительным работам путем их трудоустройства в организации малого и среднего бизнеса сталкиваются со значительным количеством проблемных вопросов, решение которых находится в ведении законодателя. Однако до настоящего времени мер к решению обозначенных проблем, возникающих в правоприменительной практике, законодателем не предпринято. Рассмотренные в статье вопросы могут стать предпосылками к внесению соответствующих правок в действующие нормативно-правовые акты, направленных на беспрепятственное исполнение судебных решений в части привлечения осужденных к исправительным работам к труду.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Тарабуев, Л. Н. Некоторые вопросы деятельности уголовно-исполнительных инспекций по исполнению наказания в виде исправительных работ // Пениitenciарная наука. 2021. Т. 15. № 1(53). С. 74–84.
2. Характеристика лиц, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20v%20YII/> (дата обращения: 12.03.2022).
3. Красоткин, П. Н. Актуальные вопросы практики применения наказания в виде исправительных работ // Вестник Кузбасского института. 2018. № 1(34). С. 38–45.
4. Дубинина, О. В. Положительный опыт работы УИИ по исполнению обязательных, исправительных работ // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2010. № 8(99). С. 33–36.
5. Смирнова, И. Н. К вопросу повышения эффективности деятельности уголовно-исполнительных инспекций по привлечению осужденных к отбыванию исправительных работ // Актуальные проблемы правоведения. 2018: Материалы международной научной конференции, посвященной 25-летию со дня принятия

Конституции Российской Федерации, Псков, 12 декабря 2018 года. – Псков: Псковский государственный университет, 2018. С. 136–141.

6. Дулепов, В. В. Порядок исполнения наказания в виде исправительных работ в Республике Беларусь // Закон и право. 2018. № 9. С. 101–103.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

РЕПИНА Анна Андреевна – адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии ФСИН России, старший инспектор информационно-аналитической группы ФКУ УИИ ГУФСИН России по Нижегородской области. Контакты: Сенная, д. 1, г. Рязань, Россия, 390000.

E – mail: nikolanna@yandex.ru, Тел.: 89202919971.

AUTHOR

REPINA Anna A. – associate professor of the Faculty of Training Scientific and Pedagogical Personnel of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, a senior inspector of the information and analytical group of the Federal State Institution of the Penal Enforcement Inspectorate of the Main Directorate of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Nizhny Novgorod Region, Contacts: Sennaya, 1, Ryazan, Russia, 390000.

Дата поступления статьи в редакцию: 29.04.2022 г.

УДК 343

Светлана Алексеевна Борсученко

ФГОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»

ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ: НЕДОСТАТКИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. С авторских позиций рассмотрены проблемы правового регулирования общественного контроля за деятельностью персонала учреждений и органов, исполняющих наказания; выявлены недостатки конструкции ст. 23 УИК РФ, а также даны предложения по ее совершенствованию путем расширения перечня субъектов, осуществляющих контроль за обеспечением прав человека в процессе исполнения (отбывания) наказания.

Ключевые слова: общественный контроль, права человека, уголовно-исполнительное законодательство, места лишения свободы, осужденные.

Svetlana A. Borsuchenko

FGOU VO «All-Russian State University
of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)»

PUBLIC CONTROL IN THE PENAL ENFORCEMENT SPHERE: SHORTCOMINGS OF LEGAL REGULATION

Abstract. From the author's point of view, the problems of legal regulation of public control over the activities of personnel of institutions and bodies executing punishments are considered; shortcomings of the design of Article 23 of the Criminal Code of the Russian Federation are identified, and suggestions are made for its improvement by expanding the list of subjects exercising control over ensuring human rights in the process of execution (serving) punishment.

Keywords: public control, human rights, penal enforcement legislation, places of deprivation of liberty, convicts.

Общественный контроль и общественное воздействие являются действенными инструментами повышения эффективности процесса исполнения (отбывания) наказания, способствуют открытости и законности деятельности УИС, восстановлению нарушенных прав осужденных. Очевидно, что деятельность персонала учреждений и органов, исполняющих наказания, должна находиться под контролем не только органов государственной власти, органов местного самоуправления, но и общественности.

Правовой основой общественного контроля в уголовно-исполнительной сфере является Федеральный закон от 21.07.2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (в ред. 27.12. 2018 №498) [1].

Законодатель определяет общественный контроль как деятельность субъектов общественного контроля, которая осуществляется в целях наблю-

дения за деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, а также иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с законодательством Российской Федерации отдельные публичные полномочия, в том числе в целях проведения общественной проверки, анализа, общественной оценки издаваемых ими актов и принимаемых решений (ч. 1 ст. 4 Закона).

Статья 9 указанного закона к субъектам общественного контроля относит:

- 1) Общественную палату Российской Федерации;
- 2) общественные палаты субъектов Российской Федерации;
- 3) общественные палаты (советы) муниципальных образований;
- 4) общественные советы при федеральных органах исполнительной власти, общественные

советы при законодательных (представительных) и исполнительных органах государственной власти субъектов Российской Федерации.

В случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, могут создаваться:

- 1) общественные наблюдательные комиссии;
- 2) общественные инспекции;
- 3) группы общественного контроля.

Данный перечень не является исчерпывающим, могут создаваться и иные организационные структуры общественного контроля.

Правовое регулирование общественного контроля в уголовно-исполнительной сфере осуществляется в соответствии со ст. 23 и ст. 24 УИК РФ, ч. 4 ст. 12 и ст. 15 УИК РФ, ст. 38 Закона РФ от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (в ред. от 26.05.2021 № 155-ФЗ), [2] Федеральным законом от 10.06.2008 № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» (в ред. от 30.04.2021 № 116-ФЗ). [3]

Анализ законодательства Российской Федерации позволяет утверждать, что, несмотря на неоднократные изменения редакции ст. 23 УИК РФ, она имеет существенные недостатки.

Так, согласно указанной норме, общественный контроль за обеспечением прав человека в местах отбывания наказания в виде исправительных работ (исправительные центры), лишения свободы (исправительные учреждения), содержания в дисциплинарной воинской части (отдельные дисциплинарные батальоны) осуществляют общественные наблюдательные комиссии и их члены.

Общественные объединения оказывают содействие в работе учреждений и органов, исполняющих наказания, принимают участие в исправлении осужденных (ч. 3 ст. 23 УИК).

Исходя из содержания рассматриваемой статьи, общественные наблюдательные комиссии являются единственным субъектом общественного контроля за обеспечением прав человека в период отбывания наказания. Однако на основании норм уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации к субъектам общественного контроля можно также отнести

попечительские советы (ч. 4 ст. 23 УИК РФ), родительские комитеты (ч. 2 ст. 142 УИК РФ), СМИ (ч. 3, ч. 4, ч. 5 ст. 24 УИК РФ), Общественный совет при ФСИН России и общественные советы при территориальных органах ФСИН России (Приказ ФСИН России от 01.10.2013 № 542 «О создании Общественного совета при Федеральной службе исполнения наказаний по проблемам деятельности уголовно-исполнительной системы и утверждению его состава» (в ред. от 24.01.2018)).

Полноправным субъектом общественного контроля в уголовно-исполнительной сфере является Общественная палата Российской Федерации, которая была сформирована в соответствии с Федеральным законом от 04.04.2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» (в ред. от 11.06.2021 № 185-ФЗ). [4]

На основании положений ст. 2 Закона общественная палата призвана обеспечить защиту прав и свобод граждан Российской Федерации, а также демократических принципов развития гражданского общества.

Во исполнение Федерального закона «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» Общественная палата является координатором работы по формированию общественных наблюдательных комиссий, образуемых в субъектах Российской Федерации.

В соответствии с Федеральным законом от 19.05.1995 № 82 «Об общественных объединениях» (в ред. от 30.12.2020 № 481-ФЗ) под общественным объединением понимается добровольное, самоуправляемое, некоммерческое формирование, созданное по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей, указанных в уставе общественного объединения. Право граждан на создание общественных объединений реализуется как непосредственно путем объединения физических лиц, так и через юридические лица – общественные объединения (ст. 5 Закона). [5]

Статья 7 Закона устанавливает исчерпывающий перечень организационно-правовых форм общественных объединений: общественная организация; общественное движение;

общественный фонд; общественное учреждение; орган общественной самодеятельности; политическая партия.

Важное место в системе общественного контроля за обеспечением прав и законных интересов осужденных занимают неправительственные правозащитные организации (НПО). В числе таких организаций можно назвать «Московскую Хельсинкскую группу», Общероссийскую общественную организацию «Попечительский совет уголовно-исполнительной системы», Институт прав человека, Межрегиональную общественную благотворительную правозащитную организацию «Комитет за гражданские права» и многие другие.

Представители НПО вправе посещать учреждения и органы, исполняющие наказания, встречаться с осужденными, по специальному разрешению администрации этих учреждений и органов либо вышестоящих органов уголовно-исполнительной системы (ч. 3 ст. 24 УИК РФ).

Обращения от осужденных, направленные в НПО из мест лишения свободы, подвергаются цензуре со стороны администрации исправительного учреждения (ч. 4 ст. 15 УИК РФ).

Неправительственные правозащитные организации в местах лишения свободы выполняют роль общественных контролеров, они не имеют властных полномочий, а апеллируют к общественному мнению. По фактам нарушений прав человека при исполнении (отбывании) наказаний НПО готовят доклады, публикации и выступления в СМИ, проводят форумы и конференции, привлекая внимание властей и общественности к проблемам УИС.

Статья 14 УИК РФ создала правовую основу для взаимодействия учреждений, исполняющих наказания, с религиозными организациями.

В соответствии с законом осужденным гарантируется свобода совести и свобода вероисповедания. Они вправе исповедовать любую религию либо не исповедовать никакой религии, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные убеждения и действовать в соответствии с ними.

В настоящее время ФСИН России подписаны соглашения о сотрудничестве с представителями всех традиционных для России конфессий.

В каждом территориальном органе ФСИН России сотрудниками организована работа с ве-

рующими осужденными, созданы Межрелигиозные группы по взаимодействию с религиозными организациями.

Традиционные для России конфессии оказывают помощь в духовно-нравственном воспитании осужденных, их подготовке к освобождению.

Однако в результате такого взаимодействия дается общественная оценка деятельности администрации и персонала учреждений и органов, исполняющих наказания.

К полноправным субъектам общественного контроля следует также отнести средства массовой информации.

В соответствии с Законом представители средств массовой информации имеют право посещать учреждения и органы, исполняющие наказания, по специальному разрешению администрации этих учреждений и органов либо вышестоящих органов уголовно-исполнительной системы (ч. 3 ст. 24 УИК РФ).

В целях обеспечения широкого и оперативного распространения достоверных сведений о деятельности ФСИН России и создания благоприятных условий для профессиональной деятельности журналистов в соответствии с Законом РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» (в ред. 01.07.2021 № 290-ФЗ) установлены Правила аккредитации журналистов средств массовой информации на освещение деятельности Федеральной службы исполнения наказаний (утверждены Приказом ФСИН России от 29.02.2008 № 128. (Зарегистрировано в Минюсте РФ 13.03.2008 № 11333).

В целях обеспечения прав осужденных кино-, фото- и видеосъемка осужденных, их интервьюирование осуществляются только с согласия в письменной форме самих осужденных (ч. 4 ст. 24 УИК РФ).

В целях обеспечения безопасности как осужденных, так и персонала исправительных учреждений, кино-, фото- и видеосъемка объектов, обеспечивающих безопасность и охрану осужденных, осуществляется с разрешения в письменной форме администрации учреждения или органа, исполняющего наказания (ч. 5. ст. 24 УИК РФ).

Материалы и публикации средств массовой информации о деятельности персонала учреждений и органов, исполняющих наказания, спо-

способствуют открытости и прозрачности уголовно-исполнительной системы, направлены на формирование общественного мнения, а также информационной политики в целом, что особенно важно в период проведения реформы.

Деятельность перечисленных субъектов общественного контроля осуществляется в формах общественного мониторинга, общественной проверки, общественной экспертизы, общественных обсуждений, общественных (публичных) слушаний и иных формах взаимодействия, что полностью соответствует ст. 18 Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации».

В процессе реализации своих полномочий субъекты общественного контроля осуществляют наблюдение за деятельностью персонала учреждений и органов, исполняющих наказания.

Целями деятельности субъектов общественного контроля в уголовно-исполнительной сфере являются: обеспечение реализации и защиты прав и свобод человека и гражданина, восстановление нарушенных прав и законных интересов граждан; обеспечение учета общественного мнения, предложений и рекомендаций общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций; общественная оценка деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания.

К задачам субъектов, осуществляющих общественный контроль, относится: формирование и развитие гражданского правосознания; повышение уровня доверия граждан к деятельности УИС, а также обеспечение тесного взаимодействия ФСИН России с институтами гражданского общества; содействие предупреждению и разрешению социальных конфликтов (в том числе групповых беспорядков и массовых неповиновений со стороны осужденных); реализация гражданских инициатив, направленных на защиту прав и законных интересов осужденных и лиц, вовлеченных в уголовно-исполнительную сферу; обеспечение прозрачности и открытости деятельности УИС; повышение эффективности процесса исполнения наказания, а также деятельности УИС в целом.

Рассмотренные цели и задачи полностью соответствуют целям и задачам общественного контроля, которые закреплены в ст. 5 Федерального

закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации».

Таким образом, можно говорить о несовершенстве конструкции ст. 23 УИК РФ, поскольку общественные наблюдательные комиссии и их члены являются не единственными субъектами, осуществляющими контроль за деятельностью персонала учреждений и органов, исполняющих наказания.

Однако объем полномочий субъектов, осуществляющих контроль в уголовно-исполнительной сфере, действительно разный и произведен от их правового статуса.

Законодатель наделил общественные наблюдательные комиссии широким кругом полномочий наравне с контрольно-надзорными органами государственной власти.

Так, согласно ч. 2 ст. 23 УИК РФ члены общественных наблюдательных комиссий при осуществлении общественного контроля за обеспечением прав человека в процессе исполнения наказания в виде исправительных работ (исправительных центрах), лишения свободы (исправительных учреждениях), содержания в дисциплинарной воинской части (отдельные дисциплинарные батальоны) вправе беседовать с осужденными в условиях, позволяющих представителям администрации этих учреждений или командирам дисциплинарных батальонов видеть их, но не слышать.

Члены общественных наблюдательных комиссий вправе посещать учреждения и органы, исполняющие наказания, без специального на то разрешения в пределах соответствующих территорий (п. «д» ч. 1 ст. 24 УИК).

Обращения от осужденных в общественные наблюдательные комиссии цензуре не подлежат (ч. 4 ст. 15 УИК РФ).

Перевод осужденных из одних условий отбывания наказания в другие по основаниям, предусмотренным ст. ст. 120, 122, 124, 127, 130, 132 УИК РФ, осуществляется по решению комиссии исправительного учреждения, в работе которой могут принимать участие представители общественных наблюдательных комиссий. Комиссия исправительного учреждения решает вопрос и о переводе осужденных, содержащихся в тюрьме, с общего вида режима на строгий и со строгого на общий (ч. 3 ст. 87 УИК РФ).

Полномочия членов общественной наблюдательной комиссии также закреплены в ст. 16, ст. 16.1 Федерального закона «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания».

По данным ФСИН России в 2020 году члены общественных наблюдательных комиссий посетили исправительные учреждения свыше 2400 раз, и это несмотря на пандемию коронавируса. [6]

В целях реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года [7], а также повышения эффективности процесса исполнения наказания, необходимо совершенствовать правовое регулирование общественного контроля в уголовно-исполнительной сфере, что требует изменения редакции ст. 23 УИК РФ путем расширения перечня субъектов, осуществляющих контроль за обеспечением прав человека в процессе исполнения (отбывания) наказания.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Федеральный закон от 21.07. 2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (в ред. 27.12. 2018 №498) // Российская газета от 23.07.2014 № 163.
2. Закон РФ от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (в ред. от 26.05.2021 № 155-ФЗ) // ВСНД и ВС РФ. 1993. № 33. ст. 1316.
3. Федеральный закон от 10.06. 2008 № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» (в ред. от 30.04.2021 №116-ФЗ) // Российская газета от 18.06. 2008. №128.
4. Федеральный закон от 04.04 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» (в ред. от 11.06.2021 №185-ФЗ) // Российская газета от 07.04.2005 №70.
5. Федеральный закон от 19.05.1995 № 82 «Об общественных объединениях» (в ред. от 30.12.2020 № 481-ФЗ) // Российская газета от 25.05. 1995. № 100.
6. Выступление директора ФСИН России на расширенном заседании коллегии Федеральной службы исполнения наказаний. [Электронный ресурс] – URL: https://www.vk.com/wall-185347562_108258. (дата обращения 17.02.2022 г.).
7. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года // Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 №1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 года» // СЗ РФ.2021. №20. Ст.3397.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

БОРСУЧЕНКО Светлана Алексеевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии ФГОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России). Контакты: ул. Молодогвардейская, д. 46, корп. 1, г. Москва, 121351.
E-mail: bca38@mail.ru, Тел.: +7 (499) 963–01–01.

AUTHOR

BORSUCHENKO Svetlana A. – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia). Contacts: Molodogvardeyskaya str., 46, building 1, Moscow, 121351.

Дата поступления статьи в редакцию: 29.04.2022 г.

УДК 343

Айдаркан Байдекович Скаков

Академия ФСИН России,

Костанайская академия

МВД Республики Казахстан имени Ш. Кабылбаева

РОЛЬ ТРУДА В РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ

Аннотация. В данной статье автором проведен анализ уголовно-исполнительного законодательства Казахстана в сфере применения основных средств воздействия на осужденных при исполнении лишения свободы. В целях дальнейшего совершенствования воспитательного и пробационного процесса, проводимого с осужденными, предлагается повысить эффективность применения основных средств воздействия, в частности, труд лишенных свободы, путем широкого привлечения производственного потенциала частного бизнеса. Кроме того, автором утверждается необходимость взаимодействия воспитательного и реабилитационного процессов, что приведет к достижению цели наказания – исправления осужденного. В дальнейшем, основные меры воздействия, в том числе и труд, возможно применить в отношении наказаний, не связанных с ними (штраф, общественные работы и т. д.). Также в данной статье поддерживается стратегия дальнейшего сокращения «тюремного населения» путем широкого применения наказаний, альтернативных лишению свободы, развития системы социальной адаптации и реабилитации лиц, оказавшихся в сфере уголовного судопроизводства. Автором предлагается разработать законопроект, предусматривающий исполнение (отбывание) всех видов уголовных наказаний уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системой.

Ключевые слова: гуманизация уголовной политики; основные средства воздействия; карательно-воспитательный и пробационный процессы; уголовно-исполнительная (пенитенциарная) система; наказания, альтернативные лишению свободы; социальная адаптация и реабилитация лиц, оказавшихся в сфере уголовного судопроизводства.

Aidarkan B. Skakov

Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia,

Kostanay Academy of the Ministry of Internal Affairs

of the Republic of Kazakhstan named after Sh. Kabylbaev

THE ROLE OF LABOR IN THE RE-SOCIALIZATION OF THE CONVICTED

Abstract. In this article, the author analyzes the penal legislation of Kazakhstan in the field of application of the main means of influencing convicts in the execution of imprisonment. In order to further improve the educational and probationary process carried out with convicts, it is proposed to increase the efficiency of the use of the main means of influence, in particular, the labor of those deprived of liberty, by widely attracting the production potential of private business. In addition, the author argues the need for the interaction of educational and rehabilitation processes, which will lead to the achievement of the goal of punishment – the correction of the convict. In the future, the main measures of influence, including labor, can be applied to punishments that are not related to them (fine, community service, etc.). Also, this article supports the strategy of further reduction of the “prison population” through the widespread use of punishments alternative to imprisonment, the development of a system of social adaptation and rehabilitation of persons who find themselves in the field of criminal justice. The author proposes to develop a draft law providing for the execution (serving) of all types of criminal penalties by the penitentiary system.

Key words: humanization of criminal policy; main means of influence; punitive-educational and probation processes; penitentiary (penitentiary) system; alternative punishments to imprisonment; social adaptation and rehabilitation of persons who find themselves in the field of criminal proceedings.

В соответствии с действующим Уголовно-исполнительным кодексом Республики Казахстан (см. ч. 1 ст. 4 УИК) «целями уголовно-исполнительного законодательства Республики Казахстан являются восстановление социальной справедливости, исправление осужденных, предупреждение совершения новых уголовных правонарушений как осужденными, так и иными лицами». Достижение поставленных целей возможно не только путем надлежащего исполнения наказаний, но и при эффективном процессе социальной реабилитации и адаптации осужденных, лишенных свободы, и иных лиц, оказавшихся в сфере уголовного судопроизводства. При этом следует отметить то, что одной из основных целей исполнения наказания является исправление осужденного. Здесь, следует отметить, что не все согласны с данным положением Закона. Ряд ученых считают необходимым указанную цель исполнения наказаний (исправление осужденных) заменить их социальной адаптацией и реабилитацией, обосновывая свою гипотезу тем, что исправить человека, особенно в условиях изоляции, практически невозможно. Лицемерно считать осужденного исправившимся в условиях контакта с криминальной субкультурой, характеризующейся бесчеловечным, жестоким отношением к человеку. Наоборот, среди спецконтингента будут распространяться такие низменные человеческие качества, как подхалимство, лизоблюдство и т. д.

Трудно согласиться таким мнением. Во-первых, коллеги предлагают основную цель наказания, исправление осужденных, заменить способами для её достижения – социальная адаптация и реабилитация; во-вторых, пресечение распространения отрицательных характеристик осужденных возможно применением эффективных средств воздействия и пробационного контроля.

Учитывая сказанное, можно смело утверждать, что роль основных средств воздействия на осужденных в современных условиях развития пенитенциарной системы резко возросла. Однако, содержащиеся в действующем уголовно-исполнительном законодательстве, в отличие от ис-

правительно-трудового, средства воздействия, стали менее эффективными, действенными. Это, на наш взгляд, связано с приоритетами их применения. Так, согласно ч. 2 ст. 2 УИК «исполнение и отбывание наказаний..., применение средств исправления к осужденным, а также оказание помощи освобождаемым осужденным осуществляются в соответствии с законодательством Республики Казахстан, действующим на момент их исполнения». При этом, «средства исправления осужденных применяются с учетом вида наказания, характера, степени общественной опасности, формы вины и мотивов совершенного уголовного правонарушения, личности осужденного и его поведения во время отбывания наказания» (см. ч.2 ст.7 УИК). Здесь, следует отметить, что содержание указанных норм ни у кого не вызывает сомнения. Они полностью соответствуют требованиям проводимой государством уголовной политики.

Возражение, по крайней мере у автора данной статьи, вызывает содержание ч. 1 ст. 7 УИК, где труд, как основное средство исправления, незаслуженно занимает 4 место в их перечне: «1. Основными средствами исправления осужденных являются: 1) режим отбывания наказания; 2) воспитательное воздействие; 3) поддержание позитивных социальных связей; 4) общественно полезный труд; 5) получение начального, основного среднего, общего среднего, технического и профессионального образования; 6) общественное воздействие». Цитируемое нормативное положение полностью противоречит высокой общественной и воспитательной значимости труда в ресоциализации лиц, оказавшихся в сфере уголовного судопроизводства. Изучаемому основному средству исправления осужденных посвящено множество исследований видных ученых, доказывающих его важную роль. Значимое место занимает труд в карательно-воспитательном и реабилитационном процессе, осуществляемом в отношении осужденных.

В этой связи, думается, более удачным является изложение перечня основных средств ис-

правления, содержащихся в ст. 7 ИТК КазССР, где труд занимает 2 место: «Основными средствами исправления и перевоспитания осужденных являются: режим отбывания наказания, общественно полезный труд, политико-воспитательная работа, общеобразовательная и профессиональная подготовка. Средства исправления и перевоспитания должны применяться с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности осужденного, а также поведения осужденного и его отношения к труду».

В чем причина недооценки роли труда в исправлении и перевоспитании осужденных? На наш взгляд, все связано с господством частной собственности на средства производства. При капиталистических производственных отношениях, где существует безработица, циклично возникают кризисы перепроизводства и другие «достижения», очень трудно привлечь предпринимателя к созданию рабочих мест для лиц, оказавшихся в сфере уголовного судопроизводства. Действительно, большинство осужденных не обладают производственными навыками, не образованы, никогда ни где не работали. Поэтому их труд низко производителен, не рентабелен. Частному предпринимателю экономически не выгодно создавать производственные объекты в пенитенциарных учреждениях и трудоустраивать осужденных и иных лиц, оказавшихся в сфере уголовного судопроизводства.

Другое дело при социалистических производственных отношениях, когда существовала общественная и государственная собственность на основные средства производства. Учитывая значительный объем выпускаемой продукции промышленности, строительства заводов, дорог, жилья и т. д., постоянно не хватало рабочих рук. Данная проблема была в значительной степени решена путем широкомасштабного применения труда осужденных, лишенных свободы. Указанная категория спецконтингента работала как на собственном производстве исправительно-трудовых учреждений, так и на контрагентских предприятиях (химических производствах, строительстве дорог, жилых домов и т. д.). В колониях создавались профессионально-технические училища, где осужденные приобретали специальности, необходимые для производства в конкретном регионе

страны. Заработная плата осуществлялась сдельно или в зависимости от оклада из расчета 50% от общей суммы заработной платы. Другая половина шла в доход государства. Здесь, следует отметить, что трудозанятость осужденных в исправительно-трудовых колониях доходила до 97% от общей численности спецконтингента. Даже с желанием работали инвалиды 2 и 3 группы, так как они могли на полученные деньги приобрести продукты питания и предметы первой необходимости по безналичному расчету в магазинах, созданных при колониях, оказывать материальную помощь близким родственникам и т. д. При этом, необходимо указать еще на одно важное обстоятельство – в зависимости от отношения осужденного к труду, ему могли быть предоставлены различные правовые институты поощрения (меры поощрения, условное освобождение с обязательным привлечением к труду, условно-досрочное освобождение). Таким образом, трудовая деятельность устанавливалась как критерий оценки личности осужденных, характеризовала его поведение.

Но существовала и негативная сторона социалистических производственных отношений: выполнение производственного плана любой ценой. Как правило, в конце отчетного периода по полугодию и году, осужденные, в нарушение трудового законодательства, режимных требований, воспитательного и образовательного процессов, работали в ночное время, более 8 часов подряд и т. д.

В настоящее время при господстве капиталистических производственных отношений трудоустроены около 12–15% от общей численности спецконтингента. У тех осужденных, кто работает и получает 100% заработную плату (на них распространяются требования норм трудового законодательства) [1], производят удержания на содержание в пенитенциарных учреждениях (одежду, питание и т. д.). Это противоречит как международным документам (см. Минимальные стандартные правила ООН в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы)) [3], так и национальному законодательству. Налицо пробел в Законе.

Говоря о широком применении труда, как основного средства воздействия на осужденных с целью их исправления, что соответствует

ч. 2 ст. 2 УИК РК, необходимо решить вопрос о его рентабельности, которую можно реализовать путем стимулирования частного предпринимателя. Объем льгот, предоставляемых частному бизнесу, должен зависеть от количества трудоустроенных осужденных, обеспечения приобретения ими профессионального образования и др. Это возможно путем внедрения следующих мероприятий:

- 1) предоставление налоговых преференций;
- 2) установление государственного заказа вне конкурса (тендера);
- 3) иные льготы (например, оплата за электроэнергию по заниженному тарифу).

Таким образом, вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы:

1. Необходимо внести изменения в ст. 7 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Казахстан, перенеся общественно-полезный труд, как основное средство воздействия, из пункта 4 в пункт 2.

2. Следует создать производственные участки не только в пенитенциарных учреждениях, но и за их пределами (на правах контрагентских объектов).

3. Максимально расширить применение труда как основного способа ресоциализации лиц, оказавшихся в сфере уголовного судопроизводства.

Высказанные нами предложения не бесспорны, но они направлены на совершенствование законодательства и развитие уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системы, а потому имеют право на существование.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Казахстан от 5 июля 2014 года № 234-V ЗРК.

2. Исправительно-трудовой кодекс КазССР от 17 декабря 1971 года № 209-Z970209.

3. Минимальные стандартные правила ООН в отношении обращения с заключенными (Правила

Нельсона Манделы). Резолюция Генеральной Ассамблеи 70/175, приложение, принятая 17 декабря 2015 года. Justice Section, Division for Operations; Vienna International Center, P.O. Box 500. 1400 Vienna, Austria; E-mail: Justice@unodc.org.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

СКАКОВ Айдаркан Байдекович – доктор юридических наук, профессор, почетный работник образования Казахстана, профессор кафедры криминологии и организации профилактики преступлений Академии ФСИН России; профессор кафедры уголовного права и организации исполнения наказаний Костанайской академии МВД Республики Казахстан имени Ш. Кабылбаева. Контакты: Сенная, д. 1, г. Рязань, Россия, 390000. E-mail: aidarkan@mail.ru.

AUTHOR

SKAKOV Aidarkan B. – Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Education of Kazakhstan, Professor of the Department of Criminology and Organization of Crime Prevention of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia; Professor of the Department of Criminal Law and Organization of Execution of Punishments of the Kostanay Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after Sh. Kabylbayev. Contacts: Sennaya, 1, Ryazan, Russia, 390000.

Дата поступления статьи в редакцию: 29.04.2022 г.

УДК 343.81

Булатбек Кабдушевич Шнарбаев

Костанайский филиал Челябинского государственного университета

ЭФФЕКТИВНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛУЖБ И УЧРЕЖДЕНИЙ УИС С ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ОРГАНАМИ

Аннотация. Совершенствование законодательной базы деятельности правоохранительных органов, в сферу действия которых вовлекается значительное число граждан и от эффективности функционирования которых зависят стабильность в обществе, уверенность в надежности защиты прав и свобод человека и гражданина, интересов общества и государства от преступных посягательств, состояние правопорядка в стране – одно из основных положений современной правовой политики Казахстана. Аргументируется необходимость комплексного подхода в вопросах развития уголовно-исполнительной системы страны. Обосновывается важность учета правовых, технических, экологических, экономических, организационных, социальных, психологических, политических, демографических аспектов, имеющих значение для решения вопроса. Резюмируется вывод, что реализация поставленных целей, видится через эффективность взаимодействия служб и учреждений уголовно-исполнительной системы с государственными органами и возможно это только при комплексном подходе указанных структур к разрешению поставленных задач.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, эффективность, взаимодействие служб, учреждений, концепция, комплексная стратегия, комплексный подход, реформирование.

Bulatbek K. Shnarbayev

Kostanay branch of Chelyabinsk State University

EFFECTIVE INTERACTION OF SERVICES AND INSTITUTIONS OF THE PENAL SYSTEM WITH PUBLIC AUTHORITIES

Abstract. Improving the legislative framework of the activities of law enforcement agencies, in the scope of which a significant number of citizens are involved and the effectiveness of which depends on stability in society, confidence in the reliability of protecting human and citizen rights and freedoms, the interests of society and the state from criminal encroachments, the state of law and order in the country is one of the main provisions of the modern legal policy of Kazakhstan. The need for an integrated approach to the development of the country's penitentiary system is argued. The importance of taking into account the legal, technical, environmental, economic, organizational, social, psychological, political, demographic aspects that are important for resolving the issue is substantiated. The conclusion is summarized that the implementation of the goals set is seen through the effectiveness of the interaction of services and institutions of the penitentiary system with public authorities, and this is possible only with an integrated approach of these structures to solving the tasks.

Key words: penitentiary system, efficiency, interaction of services, institutions, concept, integrated strategy, integrated approach, reform.

В Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года, в пункте 4.12. говорится, что «эффективное взаимодействие служб пробадий и учреждений УИС с местными исполнительными органами для разрешения вопросов, связанных с отбыванием наказания осужденными, обуславливает необходимость законодательного урегулирования» [1].

Актуальность проблемы обусловлена преобразованиями в области уголовно-исполнительного права, проводимыми в нашей стране. Глобальные преобразования, происходящие в современном Казахстане, коренным образом изменили все сферы общественной жизни. Подверглась трансформации и правовая система, в частности пенитенциарная.

Совершенствование законодательной базы деятельности правоохранительных органов, в сферу действия которых вовлекается значительное число граждан и от эффективности функционирования которых зависят стабильность в обществе, уверенность в надежности защиты прав и свобод человека и гражданина, интересов общества и государства от преступных посягательств, состояние правопорядка в стране – одно из основных положений современной правовой политики Казахстана.

В ранее принятой Комплексной стратегии социальной реабилитации граждан, освободившихся из мест лишения свободы и находящихся на учете службы пробации, в Республике Казахстан на 2017–2019 годы [2] (далее Комплексная Стратегия), обращалось внимание, что Республика Казахстан уделяет пристальное внимание проблемам системы исполнения наказаний, осуществляемой деятельности с гражданами, отбывающими назначенное судом наказание в учреждениях УИС. Реализованы адекватные меры по снижению тюремного населения и развитию института исполнения наказаний, не связанных с изоляцией от общества. Положения международных документов и положительный опыт зарубежной практики свидетельствуют, что эффективность процесса ресоциализации зависит от проведенной работы по подготовке осужденных к освобождению, так и от социально-психологической помощи, оказанной в адаптационный период после освобождения.

В Стратегии говорится, что исключительное значение имеет сопровождение человека после освобождения, эффективность механизма по его полноценному возвращению в общество, содействие в решении возникших социально-правовых проблем на первоначальном этапе.

Комплексная стратегия ориентирована на устранение предпосылок социальной дезадаптации и депривации гражданина после освобождения из учреждений и постановки на учет в службе пробации.

Стратегия выступает не как документ одномоментного действия. Положения Комплексной стратегии могут корректироваться с учетом мониторинга и объективной оценки текущего состояния и эффективности достижений, полученных в ходе ее реализации.

Принятие Комплексной Стратегии отражает складывающуюся ситуацию в уголовно-исполнительной системе и строится на реальном анализе текущей ситуации и обусловленности работы по социальной адаптации и реабилитации лиц, освободившихся из мест, где они отбывали наказание, и состоящих на учете в пробации. Документ отражает текущее состояние так называемого «тюремного населения», динамику в сторону снижения и соответственно увеличения нагрузки на подразделения пробации, что позволяет взглянуть на общее состояние проблемы. По итогам 10 месяцев 2016 года численность лиц, содержащихся в учреждениях УИС, составила 36241 (в 2015 году – 39945, 2014 году – 47939, 2013 году – 49821). Соответственно, как уже отмечалось, увеличивается численность осужденных, прошедших по учетам службы пробации. Так, численность лиц, прошедших по учетам службы пробации, составила по итогам 10 месяцев 2016 года 50447 граждан (в 2015 году – 47862, 2014 году – 39530, 2013 году – 34309).

Ежегодно увеличивается количество лиц, освободившихся из мест лишения свободы. Из учреждений по итогам 10 месяцев 2016 года освобождено 11297 осужденных (в 2015 году – 16218, 2014 году – 11255, 2013 году – 9020).

В положениях Комплексной Стратегии сказано, что «международный опыт показывает, что основными ресоциализирующими факторами являются получение образования, специальности, трудоустройство, восстановление утраченных социальных связей, наличие жилья и первоначальных средств к существованию после освобождения. Данные факторы эффективно реализуются путем привлечения частного капитала в некоммерческий сектор (социальные бонды) для решения социальных проблем».

Положения Комплексной Стратегии, в которых определены проблемные аспекты, на наш взгляд фактически являются перспективными направлениями и формами ресоциализации осужденных, на всех этапах нахождения в орбите уголовно-исполнительной системы.

1. Требуется определить механизм взаимодействия государственных органов с внешними структурами и ресурсами для эффективного воздействия ресоциализации на лиц, состоящих на учете в пробации.

2. Решения консультативно-совещательных органов при местных исполнительных органах должны носить обязательный нежели рекомендательный характер, в результате чего их содействие в организации и реализации социальной помощи лицам, состоящим под пробационным контролем, будет носить характер действительной и реальной помощи.

3. Необходим механизм привлечения негосударственных инвестиций в государственные программы и проекты по оказанию помощи в социальной реабилитации граждан.

4. Существует необходимость адаптационного переходного периода для осужденного перед полным освобождением, требуются разработка и внедрение механизмов мотивации подчетного гражданина к правопослушному поведению, включающих его участие в реабилитационных программах и профилактических мероприятиях.

5. Решение проблем трудового и бытового устройства граждан возложено на центры социальной адаптации и реабилитации лиц, отбывших уголовные наказания (далее – центры). Однако их ресурсы не позволяют в полном объеме удовлетворить существующие потребности. Это создает дополнительные препятствия в работе с освободившимися гражданами и практически исключает возможность оказания им какой-либо социально-правовой помощи местными медико-социальными службами в связи с отсутствием у них постоянной или временной регистрации по месту жительства. Эта проблема требует своего разрешения.

6. Не менее остро стоит вопрос о медицинском сопровождении лиц, освобожденных из учреждений УИС в связи с болезнью, а также состоящих на различных диспансерных учетах. Существенные трудности вызывает учет освободившихся граждан по РПН после их убытия с территории дислокации учреждения УИС, что автоматически приводит к их откреплению от медицинских организаций по месту отбывания наказания.

7. Реабилитация несовершеннолетних осужденных требует более тщательного социально-психологического сопровождения и контроля, включающего проверку условий проживания несовершеннолетнего в семье, оценку возможности его адаптации, в том числе, в зависимости от установленного семейного положения.

Вопросы соблюдения законности при исполнении уголовных наказаний рассматривались на заседании коллегии Генеральной прокуратуры РК. Важность вопроса характеризуется участием в работе коллегии Помощника Президента – Секретаря Совета Безопасности, министров внутренних дел, труда, здравоохранения, информации и по делам религий, а также других государственных органов и акиматов. В частности, обращается внимание на комплексные меры по гуманизации уголовного законодательства, снижению его репрессивности. За последние годы улучшена позиция страны в международном тюремном индексе с 3-го до 73-го места. «Тюремное население» снижено со 100 до 35 тысяч заключенных, закрыты 8 колоний, экономия бюджета составила 12 млрд. тенге.

Вместе с тем, несмотря на ряд показателей в данной сфере, имеются недостатки и необходимость реальных реформ пенитенциарной системы. Вытекает это из имеющихся проблем обеспечения законности и соблюдения прав заключенных. Преступность среди осужденных выросла на 44%. В основе правонарушений лежат межличностные конфликты, злостные нарушения режима и акты членовредительства, имеют место другие нарушения, в том числе и пытки.

Генеральная прокуратура обращает внимание на необходимость проведения системной работы по предупреждению и пресечению пыток, с этой целью перед МВД стоит задача по совершенствованию механизмов обеспечения режима в учреждениях УИС, вплоть до выработки единого алгоритма действий по каждому поступающему сигналу. Отсутствует полноценный механизм трудоустройства лиц, освобождаемых из мест заключения. Имеют место недостатки в сфере пробации, которые выражаются в отсутствии координирующей роли акиматов в ресоциализации осужденных, недостаточное взаимодействие между органами здравоохранения, юстиции, труда и социального обеспечения.

Остается коренной задачей совершенствование системы исполнения наказаний. Следует обратить внимание также на важность комплексного подхода и разработки Стратегии реформирования уголовно-исполнительной системы с определением основных векторов. Требуется изменить методику обеспечения режима в колониях,

не допуская элементов подавления личности осужденных и унижения их достоинства. Повысить ответственность акимов в вопросах координации работы по ресоциализации осужденных.

Небольшой пресс-релиз проведенной коллегии, позволяет сделать вывод, что требуется проведение общей работы, взаимодействие всех органов власти в вопросах исполнения наказания, обеспечения реализации целей наказания на всех уровнях, достижение ресоциализации. Акцент сделан именно на комплексном подходе при организации данной работы.

Фактически обозначены все проблемные аспекты уголовно-исполнительной системы, определены пути решения, но вместе с тем сложности реализации программных документов остаются, несмотря на то что уголовно-исполнительная система находится под пристальным вниманием фактически всех государственных органов.

Реализация поставленных целей видится через эффективность взаимодействия служб и учреждений уголовно-исполнительной системы с государственными органами, и возможно это только при комплексном подходе указанных структур к разрешению поставленных задач.

При комплексном подходе к решению вопроса должны учитываться правовые, технические, экологические, экономические, организационные, социальные, психологические, политические, демографические аспекты, а также ряд других, которые имеют значение для решения вопроса, но во взаимосвязи. Если будет отсутствовать один из обязательных аспектов вопроса, то проблема не будет полностью решена. К сожалению, на практике не всегда соблюдается это требование. Для уголовно-исполнительной системы эта цепочка имеет большое значение. Например, при нерешенности вопроса о строительстве новых учреждений, невозможно решить вопрос о переводе на одиночное камерное содержание. При отсутствии электронных браслетов слежения, не реализована полностью идея контроля лиц, находящихся под пробацией. Примеров здесь можно приводить бесконечное множество, и все они имеют отношение к уголовно-исполнительной системе.

Комплексный подход рассматривают, как исследовательский метод, в единстве юридиче-

ской, экономической, социально-психологической, политической проблематики, при учете взаимодействия разнохарактерных факторов, обуславливающих эффективность развития системы, в данном случае уголовно-исполнительной. Комплексный подход рассматривают, как принцип взаимодействия специалистов разного профиля, более того разных ведомств, при решении вопросов о наказании, его назначении и исполнении, ресоциализации и реабилитации, трудоустройстве и т. д.

Что такое комплексный подход и как он должен реализовываться в уголовно-исполнительной системе, при определении перспектив и тенденций развития системы, проанализируем более подробно.

Определений комплексного подхода в области уголовно-исполнительной системы нет, но есть ряд научных воззрений, в которых эти вопросы обозначены. Так, Ялунин В.У. в диссертации на тему: «Реформа уголовно-исполнительной системы современной России: проблемы, тенденции, перспективы» [3], вопросы комплексного подхода реформирования УИС отражает в 2-х положениях, выносимых на защиту. В положении первом автор пишет: «Реформа УИС, учитывая ее значимость и масштабность, должна основываться на понимании ее сущности, которую следует рассматривать как переход от одной модели исполнения наказаний, действовавшей в рамках исправительно-трудовой системы советского государства, к другой, новой модели уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. При этом речь должна идти не о замене терминов, а об изменении самого содержания организации исполнения наказаний в соответствии с новой уголовно-исполнительной политикой современной демократической России. Важным условием успешного проведения реформы УИС является разработка ее концепции, которая должна основываться на принципах учета социальных факторов, соответствия уголовной и уголовно-исполнительной политике, международному опыту. Это требует выработки новых подходов к механизму ее реализации, основывающемуся на принципах государственной и социальной поддержки проводимой реформы УИС, ее ресурсном и организационно-правовом обеспечении», в данном положении автор обращает внимание на опреде-

ление новых подходов при конструировании механизмом реформирования УИС.

В положении четвертом автор обращает внимание, что «приоритетным направлением реформирования УИС в настоящее время является ускоренное развитие органов и учреждений, исполняющих наказания без изоляции от общества (альтернативные виды наказаний). Для реализации данной стратегии необходим комплексный подход, учитывающий особенности судебно-правовой реформы в целом, а также правовые, организационные, ресурсные и исправительные аспекты создания и развития конкретных видов учреждений, исполняющих наказания без изоляции от общества; формирование кадровой политики, направленной на отбор и подготовку специалистов новой формации, их социальной и правовой защиты, внедрение новых кадровых технологий, совершенствование системы управления кадровой службой», в данном случае уже конкретизируется необходимость комплексного подхода, а также просматривается важность учета других факторов, о которых говорилось выше.

В совокупности решение поставленных задач возможно при общей планомерной работе служб и учреждений УИС с государственными органами, в конечном итоге такая деятельность будет эффективной.

В Казахстане службы и учреждения УИС, совместно с государственными органами и коммерческими организациями и фондами, должны выстраивать свою работу в этом направлении. Требуется развитие положительного опыта, имеющегося в практике ФСИН РФ и гражданского общества, где не только частные лица, но и Торгово-промышленная палата проявляет заинтересованность в организации работы по развитию бизнеса в УИС.

Обеспечение эффективного взаимодействия предусматривает слаженную работу узких специалистов, но, к сожалению, в рамках разрешения проблем УИС разнопрофильные специалисты выполняют свои функции, направленные на решение ведомственных целей и задач. При подготовке программных документов, основным разработчиком является основное ведомство, оно пытается увязать все направления деятельности, но оно не может все предусмотреть, поэтому не всегда мы можем получить Стратегию или

Программу развития УИС, которая носила бы название Комплексной. Каждое ведомство рассматривает свое направление, пытаясь достичь определенного результата: УИС – обеспечить режим и порядок исполнения; прокуратура – обеспечить надзор и законность; правозащитные организации – обеспечить соблюдение международных требований; психологи, социологи, педагоги – цели ресоциализации, устойчивости, но каждый ведь действует разрозненно. В итоге мы получаем результат, который не соответствует ожиданиям.

Сотрудник УИС должен в комплексе быть юристом, психологом, педагогом, организатором трудового процесса. Тогда он будет в совокупности понимать свои цели и задачи и достигать их.

Проведем аналогию с более глобальными проблемами, которые поднимают специалисты. М. Ковальчук, директор НИЦ «Курчатовский институт», в статье «От синтеза в науке – к конвергенции в образовании», пишет: «Сегодня существуют тысячи областей знаний и специальностей. С одной стороны, благодаря узкой специализации мы построили уникальную цивилизацию – можем летать в космос, жить под водой, можем накормить, вылечить, можем уничтожить себя. Но, с другой стороны, мы пришли в глобальный тупик, утратили целостность восприятия окружающего мира. Сегодня существуют тысячи узких специальностей и специалистов, которые детально знают и понимают собственную предметную область и движутся каждый в своей парадигме, но в отдельности не знают для чего предназначено в рамках развития науки и цивилизации.

Автор считает, что сегодня нужны принципиальные изменения в системе организации и финансирования науки. Сегодняшняя система образования в России, и во всем мире не приспособлена к проведению междисциплинарных исследований. Автор подытоживает свое выступление словами: «Мы стоим на пороге новой технологической революции. Перед нами лежит коробка пазлов, из которых нужно создать картину. Пазлы «нарезаны» из целостной картины природы, но как из них собрать картину, пока не знает никто. Есть только абрис, а рисунка нет. Новый процесс познания мира выглядит именно так» [4].

В данной ситуации, мы абсолютно точно не знаем, как реформировать УИС, потому что ви-

дения у всех участников этого процесса разные. И для этого требуется создать общее понимание ситуации, от всех участников этого процесса, даже если будет больше мнений и позиций на видение разрешения ситуации, которая поможет получить правильное восприятие.

В этом вопросе необходимо обратиться к методам моделирования или создания вероятностных моделей системы. Именно в этом видится разрешение ситуации.

В связи с изложенным, наукой уголовного и уголовно-исполнительного права выдвигается

целый ряд задач теоретического и практического характера. Осуществление их означает необходимость реального обеспечения эффективного взаимодействия служб и учреждений УИС с государственными органами.

Изложенное свидетельствует о необходимости углубленного комплексного, теоретического исследования вопросов эффективного взаимодействия службы и учреждений УИС с государственными органами. Это позволит разработать научно-обоснованные рекомендации по совершенствованию деятельности УИС.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Об утверждении Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года. Указ Президента Республики Казахстан от 15 октября 2021 года № 674 // Казахстанская правда. 2021. 17 октября.

2. Об утверждении Комплексной стратегии социальной реабилитации граждан, освободившихся из мест лишения свободы и находящихся на учете службы пробации, в Республике Казахстан на 2017–2019 годы. Указ Президента Республики Казахстан от

8 декабря 2016 года № 387// Казахстанская правда. 2016.

3. Ялунин В.У. Реформа уголовно-исполнительной системы современной России: Проблемы, тенденции, перспективы // Дисс. канд. юрид. наук. Москва, 2004. С. 151–152.

4. Ковальчук М. От синтеза в науке – к конвергенции в образовании // Образовательная политика. 2010. № 11–12. С. 50.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

ШНАРБАЕВ Булатбек Кабдушевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры права Костанайского филиала Челябинского государственного университета. Контакты: ул. Бородина, 168А, г. Костанай, Казахстан, 110006. E-mail: shnarbaev@mail.ru, Тел.: 8 (7142) 576–576.

AUTHOR

SHNARBAYEV Bulatbek K. – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Law of Kostanay Branch of Chelyabinsk State University. Contacts: Borodina str., 168A, Kostanay, Kazakhstan, 110006.

Дата поступления статьи в редакцию: 29.04.2022 г.

Раздел 3. ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 343.2.7

Наталья Валерьевна Радошникова

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Надежда Александровна Крайнова

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

БУТЫРСКАЯ И ТАГАНСКАЯ – ЛЕГЕНДАРНЫЕ ТЮРЬМЫ МОСКВЫ

Аннотация. Невозможно говорить о современности и ее проблемах, хотя бы кратко не обратившись к прошлому. История тюрем России навсегда останется не только в истории страны, но и в памяти народа. В прошедшем году исполнилось 350 лет со дня основания легендарной Бутырской тюрьмы в Москве. Краткому обзору её истории, а также истории ещё одной, в настоящее время не существующей, но не менее легендарной и оставшейся в русском песенном фольклоре Таганской тюрьмы, посвящается данная статья.

Ключевые слова: страдания, тюрьма, узники, тюремщики, следственный изолятор, репрессии.

Nadezjda A. Krainova

Saint Petersburg State University of Economics

Natalia V. Radoshnova

Saint Petersburg State University of Economics

BUTYRSKAYA AND TAGANSKAYA ARE LEGENDARY PRISONS IN MOSCOW

Abstract. It is impossible to talk about modernity and its problems, at least briefly not converted to past. The history of the prison of Russia will forever remain not only in the history of country, but also in the memory of the people. Last year marks the 350th anniversary of the founding of the legendary Butyrskaya prison in Moscow. This article is devoted to a brief overview of its history, as well as the history of another, currently non-existent, but no less legendary and remaining in the Russian song folklore of the Tagansky prison.

Keywords: suffering, prison, prisoners, jailers, pre-trial detention center, repression.

Введение. Когда заходит речь о пенитенциарной системе любой страны, в том числе и России, то в сознании большинства людей слово «тюрьма» всплывает как символ наказания и страдания. Но лишение свободы (тюремное заключение), как вид уголовного наказания, преследует и такую гуманную цель, как перевоспитание осужденных, в том числе путем привлечения их к общественно-полезному труду.

Многие из имеющих богатую историю современных европейских, в том числе российских городов, образовались вокруг острогов (учреждений тюремного типа). Тюрьма являлась неким центром притяжения, вокруг которого формировалась социально-экономическая инфраструктура, здания некоторых тюрем сейчас представляют архитектурную ценность.

Обращение к анализу исторического опыта содержания осужденных именно в Бутырской

и Таганской тюрьмах связано с тем, что в Москве, как и во всей России, уцелело очень мало тюремных зданий с долгой и богатой историей. Одной из таких является Бутырская тюрьма, которой в прошлом году исполнилось 350 лет. В настоящее время это центр Москвы – Новослободская, 45, следственный изолятор № 2, или, как говорят в народе – «Бутырка». Краткому обзору истории этой тюрьмы и не менее легендарной Таганской тюрьмы, не существующей в настоящее время, анализу опыта содержания в них заключенных и попытках их перевоспитания с помощью общественно-полезного труда именно в условиях тюремного заключения, авторы посвятили свою статью.

Бутырская тюрьма

До сих пор существует множество легенд о Бутырке. Точная дата ее возникновения спорна. Однако общепринятая версия – Бутырский замок был построен 22 февраля 1771 г. по приказу Екатерины II на месте деревянного острога в Бутырской слободе, где при Петре I были заключены мятежные стрельцы [3, с. 6]. Само название пришло с Волги и происходит от симбирского словечка «бутырка», что означает «жилище на отшибе» [3, с. 6]. На этом месте была построена казарма Бутырского гусарского полка, которая в 1771 г. была переоборудована под тюрьму одним из великих московских зодчих Матвеем Казаковым.

В основу тюрьмы положен четырехугольник с высокими стенами и с башнями по углам:

Бутырская тюрьма, 1905

Северной, Южной, Часовой и Полицейской, соединенными высокими кирпичными стенами. В его центре находилась церковь Покрова Пресвятой Богородицы.

Первым знаменитым постояльцем тюрьмы стал Емельян Пугачев, арестованный в январе 1775 г. Он отбывал наказание в подвале Южной башни, которая в настоящее время носит название Пугачевской [3, с. 6–7].

В первоначальном виде Бутырская тюрьма просуществовала всего восемь лет. Так как тюрьма была всегда переполнена, то в 1779 г. зодчий Казаков решил эту проблему просто – он разместил тюремные корпуса в форме прямоугольника, увеличив количество камер в три раза, что привело к возможности одновременного содержания 2,5 тысячи человек. В таком виде Бутырка существует до настоящего времени. Последняя реконструкция здания тюрьмы была проведена в 2006 г.

В 1911 г. при тюрьме было заложено здание Московской тюремной больницы. Также были возведены конторы, комнаты свиданий и службы при Московской тюремной больнице. В 1913 г. была построена военно-обмундировальная мастерская, в которой работало от 700 до 800 заключенных [3, с. 12].

Через Бутырскую тюрьму прошли участники польского восстания 1863 г., народовольцы и участники Морозовской стачки 1885 г.

В 1905–1910 гг. в ней сидели Н. Бауман, Е. Стасова, К.Е. Ворошилов. В феврале 1905 г. там содержался И. Каляев, убивший бомбой московского генерал-губернатора Сергея Романова. Сюда же привезли 168 матросов с транспорта «Прут», на котором поднял восстание лейтенант П.Н. Шмидт [3, с. 14–16].

Здесь в 1908–1909 гг. отбывал наказание В. Маяковский. Вот как он описывает свое пребывание в тюрьме в автобиографии «Я сам»: «Важнейшее для меня время ... Перечел все новейшее. – Символисты – Белый, Бальмонт. Разобрала формальная новизна. Но было чуждо. Темы, образы не моей жизни. Попробовал сам писать так же хорошо, но про другое. Оказалось, так же про другое – нельзя. Вышло ходульно и рефлексивно. ... Исписал целую тетрадку. Спасибо надзирателям – при выходе отобрали. А то б еще напечатал! Отчитав современность, обрушился на классиков: Байрон, Шекспир,

Маяковский к своим 17 годам уже успел отсидеть 11 месяцев в одиночной камере в Бутырке, а до этого еще пару месяцев в тогдашних аналогах КПЗ. Его трижды брали за пропаганду РСДРП, связь анархистами, работу в подпольной типографии и помощь бежавшим с каторги женщинам, осужденным по политическим статьям

Толстой. Последняя книга – «Анна Каренина». Не дочитал. Ночью вызвали «с вещами по городу». Так и не знаю, чем у них там, у Карениных, история кончилась» [5, с. 112–113]. Сам В. Маяковский будет считать этот Бутырский период началом своей творческой деятельности.

С 1910 по 1917 г. в Бутырке находился Ф.Э. Дзержинский.

В 1906 г. Бутырская тюрьма стала называться Временным каторжным централом с чрезвычайно строгим режимом, который включал в себя порку заключенных [3, с. 17].

До революции для кандидатов на должность надзирателя существовала специальная школа подготовки надзирателей как для мужчин, так и для женщин. Например, «Тюремный вестник» за № 10 октября 1915 г. напечатал отчет о работе школы о том, что 3 октября 1915 г. производился прием слушательниц в Школу, из 62 подавших прошения кандидаток только 17 приступили к испытанию, но лишь 12 успешно его выдержали и были приняты в Школу.

«В первые недели слушательницы занимались повторением пройденного ими до поступления в Школу курса начальных училищ в целях укрепления и освежения их знаний по русскому языку и грамматике.

Теоретические занятия начинались по программе, утвержденной начальником Главного

тюремного управления, и проводились ежедневно с 3 часов дня до 7 часов вечера. В программу занятий входили: тюремное образование, включая элементарные знания, касающиеся арестантских работ, тюремной администрации и надзора, гигиена, отчетность и др., а также Закон Божий, отечествоведение и краткий курс законоведения. Практические занятия велись как в женской тюрьме, так и пересыльной тюремной больнице и происходили под руководством и наблюдением чинов администрации, занятия производились с разными сторонами тюремной жизни и выполнялись некоторые работы, как например: раздача пищи, камерный обыск, прием арестантов и т. п.» [3, с. 25–27].

Во время революции 1917 года некоторые из тюремных служащих были уличены в контрреволюционной деятельности и осуждены по ст. 67 УК РСФСР 1922 г. за «активные действия против рабочего класса и революционного движения». Так в 1924 г. были осуждены двое служащих Главного тюремного управления и пять тюремщиков Орловского централа [2, с. 320].

После революции тюрьма продолжала оставаться университетом. Вот так вспоминал тюремные вечера в Бутырке Р.В. Иванов-Разумник: «В центре воображаемой сцены водружалась табуретка и на ней восседали лекторы, докладчики, декламаторы. Каждый вечер между сном

и ужином камера нетерпеливо ждала очередных выступлений. Бывали и научные доклады. Серьезные доклады перемежались выступлениями легкого жанра: артист какого-то второстепенного московского театра Греков рассказывал довольно живо разные сценки и анекдоты. Опереточный актер по прозвищу Дальневосточник пел и исполнял в лицах целые оперетки. Выходили любители-декламаторы и читали на память стихи, целые поэмы. Но самым большим успехом пользовались живые лекции помощника директора Зоологического сада, профессора Сергея Яковлевича Колмансона о жизни животных. Это был абсолютно блестящий курс популярной зоологии и все с нетерпением ждали отведенных для этих докладов дней. Один из наших сокамерников, шофер, сказал как-то: «Вот думал – дураком умру, не до книг нашему брату. Спасибо Сталин и НКВД позаботились, посадили в тюрьму» [1, с. 285–286].

В тюрьме существовал театр. Там поставили «Дни нашей жизни» Л. Андреева. К весне 1938 г. вся самодеятельность заключенных пришла к закономерному концу. Заключенные обошли только запрет на чтение лекций, так как лектор ложился на нары, соседи закрывали его собой, а доклад он мог произносить только вполголоса [1, с. 286].

В годы войны с июля 1942 г. из заключенных-добровольцев стали формироваться так называемые штрафные роты. В частности, в рядовые стали набирать добровольцев – заключенных из Бутырской и Таганской тюрем. За период 1942–43 гг. их было набрано порядка пятисот человек [4, с. 73]. Командир, согласно положению, определял срок службы: судебный приговор до пяти лет – 1 месяц штрафной роты; до семи лет – 2 месяца; до десяти лет – 3 месяца. Больше трех месяцев службы в штрафной роте сроков службы не существовало.

В архивах Бутырки сохранились личные дела заключенных только с июля 1941 г. и то только тех, кто умер в этих застенках. Личные дела всех тех, кто погиб вне легендарной тюрьмы, уничтожаются каждые пять лет согласно приказу. Правда, в архиве сохраняются карточки, которые заводятся на новичков по их прибытии в тюрьму, но они ведутся только с 1953 г [3, с. 310].

В толстом журнале об освобожденных из тюрьмы, среди сотен неизвестных фамилий, со-

хранились данные сына и жены сталинского наркома НКВД и министра МВД Лаврентия Берии.

В Бутырке, в одном из кабинетов оперативников, до сих пор сохранился очень уютный на вид кожаный диванчик: по словам сотрудников, с комфортом расположившись на нем, Берия лично допрашивал врагов народа [3, с. 311–312].

До 2002 г. условия содержания в Бутырке были ужасные. В камерах могло находиться по 100–120 человек, а бывало и по 200 человек. В 2000 г. в там провел три дня миллионер Владимир Гусинский, который пообещал благоустроить Бутырку. Но из обещанного в Бутырке появились один телевизор и один холодильник, которыми он пользовался сам в период нахождения в тюрьме [3, с. 342].

С 2002 по 2006 гг. началась реконструкция Бутырки, а часть заключенных была переведена в другие изоляторы. С 2006 г. условия содержания стали практически европейскими. Питание стало даже жирное. В апреле 2008 г. именно этим мотивировали отказ от пищи заключенные. Они могут покупать продукты питания в специальном магазине. Работает пекарня [3, с. 344–345].

Постепенно начались разговоры о закрытии тюрьмы. Стали рассматриваться варианты продажи иностранным инвесторам под гостиницу и развлекательный центр. Однако этого не произошло. Со временем Бутырскую тюрьму придется закрыть. По мнению специалистов, несмотря на ремонт, стены поросли грибок и за 350 лет пропитались влагой и человеческим потом, что постоянно приводит к разведению кирпичной кладки стен. Но до настоящего времени Бутырская тюрьма продолжает действовать и принимать очередных сидельцев.

Таганская тюрьма

История другой, не менее легендарной, но в настоящее время не существующей тюрьмы, ассоциируется с основанным в 1946 г. театром на Земляном валу, который стали называть так после прихода в него режиссера Юрия Любимова. Между тем в прошлом «Таганкой» называли не менее знаменитую тюрьму, обитатели которой тоже не были чужды театральному искусству.

Само слово «таган» языковеды соотносят с тюркским словом «таган» – «жаровня», «сковородка». Это же название связано с Таганской сло-

бодой, где с XVI в. жили ремесленники – «таганских дел» мастера. До настоящего времени в гербе Таганского района Москвы изображен котел [6, с. 166–167].

В 1804 г. по указу Александра I была построена на этом месте уголовная тюрьма. При тюрьме действовали различные мастерские, а саму тюрьму называли рабочим домом. По этому поводу Н.С. Таганцев справедливо отметил, что: «На деле созданное законом разнообразие мест заключения на практике свелось к полнейшему однообразию – один и тот же острог являлся, смотря по требованию, и тюрьмою, и рабочим и смиренным домом» [7, с. 181]. Указом от 21 апреля 1884 г. рабочие дома в Российской империи были упразднены, и с 1885 года Таганка стала называться Московской губернской тюрьмой.

Само тюремное здание было рассчитано на 400 камер одиночного заключения. На третьем этаже в 1894 г. была возведена церковь иконы Божией Матери «Взыскание погибших». Она действовала до 1922 г., после чего в помещении церкви разместился сначала клуб, а потом – тюремная больница [8, с. 77].

С конца XIX в. в тюрьме стали размещать политических заключенных. Здесь содержались писатель А. Ремизов, большевики Н. Бауман и младший брат В.И. Ленина Д. Ульянов, депутаты первой Государственной Думы во главе с её председателем С. Муромцевым. До закрытия

в 1909 г. женского отделения содержались в Таганке и узницы, как, например, известная подпольщица-революционерка Е. Стасова и младшая сестра В.И. Ленина – М. Ульянова.

Отношение к «политическим» со стороны и тюремщиков и уголовников было уважительным. Им позволялась переписка и регулярные свидания с родственниками, к услугам арестантов была огромная библиотека. Заключенные в 1905 г. в Таганку писатели Л. Андреев и С. Скиталец, например, пользовались привилегиями – в частности, тюремный повар присылал им шикарные обеды. Л. Андреев в феврале 1905 г. шестнадцать дней провел в Таганской тюрьме за сочувствие РСДРП, так как он предоставил свою квартиру для нелегального собрания ЦК большевиков. Вышел под залог, внесенный Саввой Морозовым [8, с. 79].

С поваром Таганки связана еще одна легенда. Его фамилия была Баландин, и кулинар он был, никакой, то ли плохо готовил, то ли много воровал. Кончилось все это тем, что заключенные сварили повара в котле живьем – в назидание будущим поварам. Отсюда и название тюремной похлебки – баланда [6, с. 170].

В справочнике «Вся Москва» за 1913 г. указаны 10 тюремных мастерских, которые принимали заказы от населения и частных торговцев. В тюремных застенках, в частности, переплетались книги известного издателя Сытина.

Во дворе Таганской тюрьмы, Москва, 1918–1919 гг.

Отличившихся примерным поведением могли отправить на утренник в Большой театр. В 1906 г. Ф.И. Шаляпин дал в тюрьме концерт и, по преданию, именно он впервые исполнил навсегда вошедшую в историю русского фольклора песню «Таганка» [8, с. 77].

В тюрьме был создан театр заключенных, здесь ставились пьесы М.Горького и А. Островского и А. Чехова.

С мая 1892 по март 1893 г. в тюрьме содержался Леонид Красин – революционер. За время заключения он выучил немецкий язык [8, с. 79].

Павел Флоренский – философ, богослов, священник провел в Таганке семь суток за прочитанную в марте 1906 г. в Московской духовной академии проповедь «Голос мира», посвященную памяти лейтенанта Шмидта [8, с. 79].

В 1919 по 1921 гг. в тюрьме был создан Великоорусский оркестр, музыканты-заключенные играли на митингах и в городских парках. Музыкальный коллектив был освобожден в полном составе и продолжил свои концерты на свободе. В тюрьме также действовали хор, библиотека, школа, лекторий, юридическое бюро и кружки [8, с. 78].

С июня 1919 г. по ноябрь 1921 г. в Таганке находился бывший московский губернатор Владимир Джунковский. В тюрьме он занимался воспитанием малолетних преступников, разведением кроликов и составлением инструкций по охране первых лиц по просьбе Ф.Э. Дзержинского [8, с. 78].

В 1938 г. она стала тюрьмой Главного управления государственной безопасности НКВД.

В период Большого террора в одиночках Таганки порой находилось до нескольких десятков человек. Отсюда многие отправлялись на Бутовский полигон. Казни в здании тюрьмы не совершались. Но в августе 1946 г. во дворе Таганки был повешен вместе со своим штабом генерал Андрей Власов [8, с. 79].

В 1958 г. Таганская тюрьма по распоряжению Н.С. Хрущева была закрыта, основной корпус взорван, а остатки хозяйственных сооружений разобраны. На месте бывшей тюрьмы возвели жилой микрорайон [8, с. 79]. В настоящее время о легендарной Таганской тюрьме напоминает посвященный ей небольшой музей, который создан в помещении гостиницы, расположенной в уцелевшем корпусе тюрьмы и народная песня «Таганка», навсегда вошедшая в русский фольклор.

Заключение. Изучение опыта функционирования Бутырской и Таганской тюрем свидетельствует о том, что государство стремилось достичь целей исправления и перевоспитания преступников путем привлечения их к полезному труду, такому, как садоводство и огородничество, а также обучению их таким навыкам ремесел, с помощью которых они смогли бы прокормиться и после отбытия заключения, как, например, переплетное, швейное, сапожное дело. Следует отметить и то, что в обеих указанных тюрьмах огромное значение в деле перевоспитания осужденных придавалось повышению их образовательного и культурного уровня. Реализовывали данные тюрьмы и карательный потенциал, что особенно проявилось в ранний послереволюционный период.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Андреевский Г.В. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1920–1930-е года. М.: Молодая гвардия, 2018. 557 с.

2. Гернет М.Н. История царской тюрьмы: в 5 т. Т. 5. М.: Юридическая литература, 1961. 340 с.

3. Рожаяева Е. Бутырка. М.: Эксмо, 2008. 352 с.

4. Рубцов Ю.В. Штрафники Великой Отечественной. В жизни и на экране. М.: Вече, 2013. 432 с.

5. Рыжов А.С. Криминальный талант. По ком из писателей тюрьма плакала. М.: Эксмо, 2006. 352 с.

6. Сидоров С.С. По тундре, по железной дороге: и вновь звучат бластные песни! М.: ПРОЗАИК, 2015. 367 с.

7. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть Общая: в 2 т. Т. 2. Тула: Автограф, 2001. 685 с.

8. Демиденко Ю. Таганская тюрьма. Дилетант. 2021. № 5(65). С. 76–79.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

РАДОШНОВА Наталия Валерьевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса Санкт-Петербургского государственного экономического университета. Контакты: ул. 7-я Красноармейская, д. 6/8, Санкт-Петербург, Россия, 190005 E-mail: radoshnova@bk.ru.

КРАЙНОВА Надежда Александровна – кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета. Контакты: ул. 7-я Красноармейская, д. 6/8, Санкт-Петербург, Россия, 190005 E-mail: kna1976@rambler.ru.

AUTHORS

Natalia V. RADOSHNOVA – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of St. Petersburg State University of Economics. Contacts: 7-ya Krasnoarmeyskaya str., 6/8, Saint Petersburg, Russia, 190005 E-mail: radoshnova@bk.ru .

Nadezhda A. KRAINOVA – Candidate of Law, Associate Professor, Dean of the Faculty of Law of St. Petersburg State University of Economics. Contacts: 7-ya Krasnoarmeyskaya str., 6/8, Saint Petersburg, Russia, 190005 E-mail: kna1976@rambler.ru.

РАЗДЕЛ 4. ПРАВО И ЭКОНОМИКА

УДК 347

Юлия Александровна Игнатьева

Межрайонная Инспекция Федеральной Налоговой Службы России № 11

ПРАВОВОЙ СТАТУС СВИДЕТЕЛЯ НАЛОГОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

Аннотация. В рамках данной статьи рассматривается правовой статус свидетеля в соответствии с налоговым законодательством Российской Федерации. В настоящей статье рассмотрены права и обязанности свидетеля в рамках ст. 90 НК РФ, порядок его взаимодействия с сотрудниками налоговых органов, осуществляющих проведение допросов, составляющих и оформляющих протоколы допросов при проведении мероприятий налогового контроля. Рассматриваются аспекты составления и оформления протоколов допроса свидетеля. В публикации также затронуты вопросы об ответственности за неявку свидетеля, уклонение свидетеля от явки без уважительных причин, дачу ложных показаний. Статья содержит предложения по внесению изменений в НК РФ об урегулировании процедуры вызова налогоплательщика на проведение допроса, о закреплении прав и обязанностей, сопровождающего физическое лицо (адвоката), об ужесточении мер ответственности, предусмотренных ст. 128 НК РФ и другие предложения.

Ключевые слова: свидетель, протокол допроса свидетеля, мероприятия налогового контроля, мера ответственности свидетеля.

Julia A. Ignateva

Interdistrict Inspectorate of the Federal Tax Service of Russia No. 11
for the Leningrad region

THE LEGAL STATUS OF A WITNESS IN TAX RELATIONS

Abstract. This article deals with the legal status of a witness under Russian tax law. This article considers the rights and obligations of a witness under Article 90 of the Tax Code of the Russian Federation. 90 of the Tax Code of the Russian Federation, the procedure for his interaction with tax officials who carry out interrogations, draw up and execute protocols of interrogations in the course of tax control measures. The aspects of drawing up and execution of witness' interrogation reports are considered. The publication also touches upon the issues of responsibility for witness' non-appearance, witness' evasion without serious reasons and giving false testimony. The article contains proposals to amend the Tax Code to regulate the procedure for summoning a taxpayer for questioning, to enshrine the rights and obligations of the person accompanying the individual (lawyer), to toughen liability measures provided for by Article 128 of the Tax Code. 128 of the Tax Code and other proposals.

Keywords: witness, protocol of witness examination, tax control measures, measure of responsibility of witness.

В силу изменившейся экономической обстановки и трансформации налогового законодательства проведение многочисленных мероприятий налогового контроля при проведении проверок стало обыденным делом.

Более подробно хотелось бы рассмотреть такую процедуру налогового контроля как допрос свидетеля. Участие свидетеля регламентируется ст. 90 НК РФ [2]. В ст. 99 НК РФ определены наиболее общие требования, которые предъявляются

при производстве действий по осуществлению налогового контроля [2]. Форма протокола допроса определена в Приложении № 13 Приказа ФНС России от 07.11.2018 N ММВ-7-2/628 «Об утверждении форм документов, предусмотренных НК РФ...» [3].

На допрос в качестве свидетеля вызываются кроме руководителей организаций и бухгалтеров, как это было раньше, сотрудники организаций среднего и младшего звена, такие как, например, начальники участков, производители работ, менеджеры по закупкам, сметчики, начальники складов, специалисты отдела закупок, охранники, водители и даже уборщицы [10, с. 4].

На основании п. 1 ст. 90 НК РФ любое физическое лицо, которому могут быть известны какие-либо сведения, имеющие значение для осуществления налогового контроля [2], может быть вызвано в качестве свидетеля.

В п. 1 ст. 90 НК РФ говорится о том, что свидетель может быть вызван. В решениях судов встречается, что лицо считается «вызванным», когда ему вручен, отправленный по почте заказным письмом либо вручен лично под расписку некий письменный документ, чаще всего фигурирует слово повестка [12], в которой выражено решение сотрудника налогового органа вызвать физическое лицо для проведения допроса. В п. 5.1 Письма №АС-4-2/12837 от 17.07.2013 ФНС России «О рекомендациях по проведению мероприятий налогового контроля ...» [4], сказано, что «свидетель вызывается для дачи показаний повесткой». Форма повестки рекомендована Письмом ФНС России от 15.01.2019 №ЕД-4-2/356 [5]. Слово «повестка» находит свое отражение только в письмах ФНС России и формах документов, рекомендуемых ФНС России. Но в НК РФ слово «повестка» не находит своего отражения.

На основании пп. 12 п. 1 ст. 31 НК РФ налоговые органы вправе вызывать в качестве свидетелей лиц, которым могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для осуществления контроля.

На основании пп. 4 п. 1 ст. 31 НК РФ налоговые органы вправе вызывать в налоговые органы налогоплательщиков для дачи показаний на основании письменного уведомления: в связи с уплатой ими налогов и сборов; в связи с нало-

говой проверкой; иных случаях, связанных с исполнением ими законодательства о налогах и сборах [2]. Но здесь имеется в виду вызов налогоплательщика, а не физического лица.

По мнению автора, направление уведомления о вызове в налоговый орган в соответствии с пп. 4 п. 1 ст. 31 НК РФ должно осуществляться в тех случаях, когда на проведение допроса вызывает-ся руководитель или бухгалтер по вопросам, связанным с исполнением законодательства о налогах и сборах.

Так почему же словосочетание «может быть вызван» рассматривать только как вызов свидетеля повесткой в бумажном виде, отправленной по почте заказным письмом или полученное лично под расписку или уведомлением о вызове налогоплательщика? Вызвать можно разными способами, например, по телефону, договорившись лично об удобном времени и дате прихода или путем направления соответствующих документов (все тех же повесток и уведомлений) через мессенджеры, такие как, например «Telegram», «Сигнал». Ведь законодатель не оговорил понятие вызов.

Конечно, в случае, когда свидетель вызывается по телефону или путем направления соответствующих документов о вызове через мессенджеры или по телефону у налогового органа не возникает в случае неявки свидетеля возможности привлечь к ответственности на основании ст. 128 НК РФ, т. к. нет доказательств, подтверждающих факт получения документа о вызове.

Часто словосочетание «может быть вызван» интерпретируют как «вызван предварительно или заблаговременно», но законодатель не оговорил должно ли лицо быть вызвано предварительно и за какое-то время до необходимой даты. В действительности нередки ситуации, когда при направлении повесток/уведомлений о вызове физическое лицо не может явиться для дачи показаний в назначенное время и место в силу того, что, например, находится на работе и тогда единственный выход – это по согласованию с физическим лицом приехать к нему на работу и опросить его.

По мнению автора, следует внести изменения в ст. 90 НК РФ, а точнее дополнить ее пунктом о том, что свидетель может быть вызван для проведения допроса, кроме направления уведомления о вызове налогоплательщика в налоговый

орган, отправленном по телекоммуникационным каналам связи или повесткой по почте заказным письмом, а также любым другим способом, а именно направлением уведомления или повестки о вызове по электронной почте физического лица, через мессенджеры, например через «Telegram», а также путем телефонных переговоров.

На основании п. 1 ст. 90 НК РФ свидетель вызывается для дачи показаний. Показания – вид доказательств, зафиксированных в установленном порядке, сообщение лица об известных ему фактических данных, используемых для установления обстоятельств, которые имеют значение для правильного разрешения гражданских и уголовных дел [9]. В ст. 302 УК РФ закреплен запрет на принуждение свидетеля к даче показаний, в связи с этим свидетель все показания предоставляет добровольно. Свидетель может также воспользоваться ст. 51 Конституции РФ и не давать показаний против себя самого, своего супруга и близких родственников. [1], [7, с. 166].

Законодатель в форме протокола допроса [3] предусмотрел, что после фразы «относительно обстоятельств, имеющих значение для осуществления налогового контроля, свидетель показал следующее», далее следуют сведения, которые свидетель предоставил при допросе, а также ответы на заданные ему вопросы. Поэтому показания свидетеля могут быть занесены в протокол допроса как повествование в стиле свободного рассказа или же это могут быть ответы на конкретные вопросы сотрудника, проводящего допрос, или комбинированный вариант текста и ответов на конкретные вопросы.

Законодатель не закрепил положение о том, кто вносит показания в протокол допроса свидетеля. Поэтому возможно и собственноручное заполнение протоколов допроса самим свидетелем на предоставленном ему бланке протокола*.

Физическому лицу, пришедшему на проведение процедуры допроса, разъясняются его права и обязанности, предоставленные ему ст. 51 Конституции РФ и статьей 90 НК РФ [8, с. 25–29]. Затем его предупреждают об ответственности за отказ или уклонение от дачи показаний либо за дачу заведомо ложных показаний [3].

* Анализ автора.

Права и обязанности разъясняются иным присутствующим лицам, таким как переводчик или специалист. Разъяснять права и обязанности свидетелю и иным присутствующим допускается как в письменной, так и в устной форме. Результат ознакомления присутствующих с их правами и обязанностями фиксируется в протоколе допроса собственноручными подписями свидетеля и присутствующих [3].

В ряде протоколов допроса встречаются факты того, что сотрудники налогового органа, предупреждают также об ответственности, предусмотренной ст. 307 и 308 УК РФ. По мнению автора, предупреждать об ответственности при проведении процедуры допроса свидетеля, проводимой в рамках ст. 90 НК РФ, не совсем правомерно по причине того, что показания получаются в рамках проведения мероприятий налогового контроля, а не в рамках уголовного законодательства. Физическое лицо независимо от того в рамках какого процессуального производства оно привлечено в качестве свидетеля, обязано не предоставлять заведомо ложных показаний, не отказываться от предоставления показаний без особых на то причин, физическое лицо может воспользоваться положениями ст. 51 Конституции РФ и не давать показаний против себя, своего супруга и близких родственников.

В ст. 99 НК РФ и в форме протокола допроса, закрепленной в приказе ФНС России от 07.11.2018 № ММВ-7–2/628 «Об утверждении форм документов, предусмотренных НК РФ...», [3] определены следующие реквизиты, заполняемые в обязательном порядке: фамилия, имя, отчество, дата и место рождения, паспортные данные, место регистрации, номер телефона, данные о гражданстве, сведения о владении русским или иным языком, должность и место работы, а также иные сведения о личности свидетеля. Это могут быть любые сведения, которые сообщит свидетель при допросе. Также следует отразить в протоколе допроса свидетеля, вопрос о состоянии здоровья допрашиваемого, например, наличия амнезии, травм головы, о наличии у него заболеваний, препятствующих проведению допроса, о наличии психических заболеваний, а также о наличии судимости**. После того, как личные

** Анализ автора.

данные свидетеля занесены в протокол, он заверяет правильность внесения своих данных в протокол допроса собственноручной подписью [2], [3].

Далее в соответствии с пп. 5 п. 1 ст. 99 НК РФ заполняются личные данные об иных присутствующих и участвующих лицах, место работы [2], [3].

Следует отметить, что при оформлении протокола допроса сотрудники внутренних дел указываются в протоколе допроса в графе «участвующие лица» [3]. В графе «другие присутствующие лица» [3] указывается физическое лицо (адвокат), сопровождающий свидетеля. Сопровождающий физическое лицо, вызванное на допрос (адвокат), присутствующий на допросе, ни в коей мере не должен препятствовать проведению допроса, не должен отвечать на вопросы, заданные свидетелю [6]. Именно в этом и состоит, по мнению автора, существенная разница между присутствующими и участвующими лицами при проведении допроса.

На практике нередки случаи, когда сопровождающий физическое лицо (адвокат), непосредственно вмешивается в ход проведения допроса, позволяет себе давать советы по проведению допроса, тем самым сводя на нет саму возможность проведения допроса и вводя своего доверителя (свидетеля) в некоторое недоумение или даже ступор. Нередки случаи, когда при допросе сопровождающий физическое лицо, вызванное на допрос (адвокат), пытается отвечать на вопросы сотрудника налоговой службы. Такое часто случается в случае, когда с вызванным сотрудником/бывшим сотрудником приходит адвокат, нанятый проверяемым налогоплательщиком*.

По мнению автора, следует законодательно закрепить в ст. 90 НК РФ права и обязанности, сопровождающего физическое лицо, вызванное на допрос (адвоката) [6].

Далее в форме протокола допроса, закрепленной в приказе ФНС России от 07.11.2018 N ММВ-7-2/628 «Об утверждении форм документов, предусмотренных НК РФ ...» [3] предусмотрена необходимость уведомить всех участвующих и присутствующих о применении или неприменении технических средств, о количестве применяемых средств и цели использования этих

средств при проведении допроса. Следует протоколировать факты использования технических средств не только должностным лицом налогового органа, но и свидетелем и другими присутствующими и участвующими лицами. Факт уведомления о применении или неприменении технических средств заверяется собственноручными подписями каждого из участвующего и/или присутствующего при допросе [3].

Далее, согласно форме протокола допроса [3], записываются показания свидетеля, как уже оговаривалось ранее, это может быть как связный текст-повествование или ответы на задаваемые вопросы, или может быть комбинированный вариант текста и ответов на вопросы. После того как закончено изложение обстоятельств, свидетель собственноручно пишет под текстом показаний фразу «С моих слов записано верно» и расписывается [3].

Далее в соответствии с п. 3 ст. 99 НК РФ и формой протокола допроса [3] фиксируется факт предъявления протокола допроса для ознакомления всем присутствующим при допросе лицам, каждое из которых может делать замечания, подлежащие внесению в протокол. На основании п. 4 ст. 99 НК РФ протокол подписывается сотрудником налогового органа, осуществлявшим допрос, а также всеми лицами, участвовавшими в производстве действия или присутствовавшими при его проведении [2], [13].

На основании п. 6 ст. 90 НК РФ копия протокола вручается свидетелю [11]. Свидетель собственноручно пишет «протокол допроса получил» и ставит свою подпись [3]. В случае отказа свидетеля от получения протокола свидетель собственноручно пишет фразу «от получения протокола допроса отказываюсь» и ставит подпись [3].

Таким образом, процедуру протокола допроса свидетеля и составления протокола допроса можно условно разделить на четыре стадии, а именно: заполнение личных данных свидетеля, ознакомление свидетеля и всех присутствующих с их правами и обязанностями, непосредственно показания свидетеля, предъявления протокола допроса свидетелю и всем присутствующим и подписание протокола допроса свидетеля всеми присутствующими и участвующими лицами при проведении допроса.

* Анализ автора.

Считаю необходимым отдельно рассмотреть вопрос, в настоящий момент встречающийся на практике достаточно часто, когда после проведенной процедуры допроса, свидетель вдруг решает изменить данные им ранее показания, причем встречаются случаи, когда свидетель меняет свои показания несколько раз, причем самым кардинальным образом. Это при условии того, что первоначальный протокол допроса был подписан всеми присутствующими и участвующими лицами, в том числе и адвокатом свидетеля, свидетелю разъяснены его права, предусмотренные ст. 51 Конституции РФ и ст. 90 НК РФ и в протоколе допроса имеется его собственноручная подпись об ознакомлении, замечаний, дополнений и возражений к протоколу допроса не имеет. Приходит свидетель, уже без адвоката, ранее присутствующего на допросе или же, наоборот, с адвокатом (ранее на допросе не было), или же просто, как и на первичный допрос приходит один и требует, что его «передпросили» по причине того, что он «вспомнил» (или наоборот, «забыл») те или иные обстоятельства сделки или же говорит, что желает на все заданные ему вопросы не отвечать, воспользовавшись правом, предусмотренной ст. 51 Конституции РФ. Тогда перед должностным лицом налогового органа возникает вопрос правомерности так называемого «передпроса» свидетеля, ведь основания для повторного выяснения все тех же обстоятельств, отсутствуют, а свидетель настаивает на изменении показаний. В случае «передпроса» у должностного лица налогового органа нет уверенности, что свидетель не придет еще и еще раз изменять показания, и какой тогда составленный протокол допроса считать достоверным. Это происходит по причине того, что свидетель не осознает меру ответственности за предоставление

заведомо ложных показаний, и сама мера ответственности, закрепленная в п. 2 ст. 128 НК РФ мала и составляет в настоящий момент три тысячи рублей.

Законодательно процедура внесения изменений в показания свидетеля («передпрос») и количество протоколов допроса свидетеля по одним и тем же обстоятельствам, имеющим отношение к одним и тем же мероприятиям налогового контроля не закреплена.

По мнению автора, законодателю следует четко регламентировать в НК РФ, что по одним и тем же обстоятельствам предусмотрен один протокол допроса свидетеля. В случае необходимости провести допрос свидетеля по вновь открывшимся обстоятельствам, следующий протокол допроса свидетеля должен дополнять уже имеющийся протокол допроса, а не опровергать предыдущий. В случае, если свидетель все-таки принимает решение об изменении ранее предоставленных показаний, то они будут признаваться заведомо ложными.

Также необходимо законодательно ужесточить меру ответственности, указанную в ст. 128 НК РФ, следующим образом: за неявку либо уклонение без уважительных причин от явки лица, вызываемого в качестве свидетеля, повлечь наложение штрафа в размере пяти тысяч руб., а неправомерный отказ свидетеля от предоставления показаний повлечь взыскание штрафа в размере десяти тысяч рублей, за заведомо ложные показания повлечь взыскание штрафа в размере двадцати тысяч рублей.

Таким образом, имеющаяся в настоящее время правовая база, регламентирующая вызов на допрос, проведение процедуры допроса, составление протокола допроса законодателем полностью не раскрыта и требует доработки путем внесения поправок в НК РФ.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Конституция Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 18.03.2022 г.).
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 N 146-ФЗ. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 20.03.2022 г.).
3. Приказ ФНС России от 07.11.2018 N ММВ-7-2/628 «Об утверждении форм документов, пред-

усмотренных НК РФ и используемых налоговыми органами при реализации своих полномочий в отношениях, регулируемых законодательством о налогах и сборах...». [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.nalog.gov.ru>. (дата обращения 20.03.2022 г.).

4. Письмо № АС-4-2/12837 от 17.07.2013 ФНС России «О рекомендациях по проведению мероприятий налогового контроля, связанных с налоговыми

проверками» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.nalog.gov.ru>. (дата обращения 20.03.2022 г.).

5. Письмо ФНС России от 15.01.2019 № ЕД-4–2/356 «О направлении рекомендуемых форм документов, используемых налоговыми органами при реализации своих полномочий». [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.nalog.gov.ru>. (дата обращения 20.03.2022 г.).

6. Письмо Федеральной налоговой службы от 17 августа 2020 г. № ЕА-4–15/13203 «О процедуре допроса налоговым органом свидетеля с участием представителя».

7. Тютин Д.В. Налоговое право: курс лекций. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения 20.03.2022 г.).

8. Фальшина Н.А. Налоговый контроль как современный институт налогового права // Безопасность бизнеса. 2018. N 1. С. 25–29.

9. Гревцов, Ю.И.; Козлихин, И.Ю. Энциклопедия права: учебное пособие // Издательство: СПб: СПбГУ, 2008.

10. Констандина Е.И. Протокол допроса свидетеля: доказательственное значение в налоговых спорах // «Арбитражный и гражданский процесс». 2021. № 7. С. 4.

11. Юридическая фирма «Щекин и партнеры». Налоговый орган обязан выдавать копию протокола допроса свидетелю на руки. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.wiselawyer.ru>. (дата обращения 20.03.2022 г.).

12. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 01.09.2008 года № КА-А40/7894–08 по делу № А40–42512/07–20–243. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения 20.03.2022 г.).

13. Постановление Федерального арбитражного суда Центрального округа от 25 мая 2009 года по делу № А48–3866/08–17. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения 20.03.2022 г.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

ИГНАТЬЕВА Юлия Александровна – начальник отдела предпроверочного анализа Межрайонной Инспекции Федеральной Налоговой Службы России № 11 по Ленинградской области. Контакты: Колтушское ш, д. 138а, г. Всеволожск, Всеволожский район, Ленинградская область, 188640. E-mail: julia2009@mail.ru.

AUTHOR

Ignatieva Yulia A. – head of the Department of Pre-Verification Analysis of the Interdistrict Inspection of the Federal Tax Service of Russia No. 11 in the Leningrad region. Contacts: Koltushskoe sh., 138a, Vsevolozhsk, Vsevolozhsky district, Leningrad region, 188640.

Дата поступления статьи в редакцию: 29.04.2022 г.

УДК 343.3/.7

Татьяна Андреевна Огарь

Санкт-Петербургский университет МВД России

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ И УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЯ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. Статья посвящена межотраслевой дифференциации административной и уголовной ответственности за нарушения в сфере экономики. Рассматриваются критерии дифференциации смежных составов административных правонарушений, проблемы их применения на практике. Предлагаются направления по совершенствованию критериев дифференциации.

Ключевые слова: дифференциация юридической ответственности, уголовная ответственность за преступления в сфере экономики, административная ответственность, административные правонарушения, критерии дифференциации.

Tatyana A. Ogar

Saint Petersburg University of the MIA of Russian Federation

DIFFERENTIATION OF ADMINISTRATIVE AND CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR VIOLATIONS IN THE ECONOMIC SPHERE

Abstract. The article is devoted to the intersectoral differentiation of administrative and criminal responsibility for violations in the economic sphere. Criteria for differentiation of related elements of administrative offenses, problems of their application in practice are considered. Directions for improving the criteria for differentiation are proposed.

Key words: differentiation of legal responsibility, criminal responsibility for economic crimes, administrative responsibility, administrative offenses, differentiation criteria.

Экономика государства, ее нормальное функционирование и развитие, является объектом охраны как уголовного, так и административно-деликтного законодательства. Анализируя современную социальную действительность, следует отметить интенсификацию развития общественных отношений, и как следствие – интенсификацию законотворческого процесса. В связи с указанными обстоятельствами изменяется соотношение норм уголовного и административно-деликтного законодательства.

Как отмечает Н.В. Витрук, «дифференциация характеризуется разделением юридической ответственности на отдельные виды, для которых законодатель устанавливает различные основания возникновения и действия, различные правовые последствия, определяемые характером соответствующих правонарушений» [2, с. 93]. Основанием возникновения как уголовной, так и администра-

тивной ответственности является наличие состава преступления либо административного правонарушения в содеянном виновным. Зачастую одни и те же деяния могут образовывать объективную сторону как административного правонарушения, так и преступления. Основным отличием преступления и правонарушения является общественная опасность деяния, под которой традиционно понимается способность деяния причинить существенный вред общественным отношениям. Однако вопрос о том, обладают ли общественной опасностью административные правонарушения, либо им присуща лишь социальная вредность, до сих пор остаётся дискуссионным в науке уголовного права [5, с. 126]. Важно точно понимать, какие закрепленные в законе признаки позволяют однозначно определить отраслевую принадлежность совершаемого деяния. Справедливо по этому поводу отмечает М.В. Арзамасцев, что «при

формировании признаков административного правонарушения и преступления, необходимо придерживаться принципа правовой определенности» [1, с. 12–13].

Сопоставление законодательства рассматриваемых отраслей показывает различие системы построения норм об ответственности за конкретные деяния. Так, в Кодексе об административных правонарушениях (далее по тексту – КоАП РФ) Особенная часть является самостоятельным разделом, внутри которого разделение осуществляется лишь по главам; в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее по тексту – УК РФ) Особенная часть является самостоятельным элементом, состоящим из глав, которые объединены в более крупные структурные элементы, называемые разделами, и характеризующиеся более высоким уровнем обобщения при формировании родового объекта преступного посягательства. В УК РФ преступления в сфере экономики объединены в один раздел, состоящий из трех глав, в КоАП РФ правонарушения, которые посягают на экономику, разбиты на большее количество глав (см. таблицу).

Более детальное исследование показало, что некоторые смежные деяния, имеют разный объект посягательства. Так, самовольная добыча янтаря, нефрита или других полудрагоценных камней, являясь правонарушением, нарушает отношения собственности (ст. 7.5 КоАП РФ расположена

в главе, предусматривающей ответственность за посягательства в области охраны собственности), а в случае наличия в этом деянии состава преступления, нарушает уже отношения в сфере экологической безопасности (ст. 255 УК РФ расположена в главе, предусматривающей ответственность за экологические преступления). Вероятно, если такое деяние в рамках ч. 3 ст. 255 УК РФ совершено в крупном размере, то такие последствия уже характеризуются причинением вреда экологической безопасности, а не только государственной собственности на недра. Однако, самовольная добыча указанных природных ресурсов при наличии административной преюдиции, на наш взгляд вряд ли может существенно изменить объект преступного посягательства. Приведенный пример свидетельствует о некоторой рассогласованности при формировании системы норм об ответственности за административные правонарушения и преступления.

В диспозициях статей КоАП РФ часто встречается фраза «если такие действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния», которая направляет правоприменителей к тексту уголовного закона, для поиска в нем критериев разграничения. В разделе VIII «Преступления в сфере экономики» дифференциация преступлений от административных правонарушений осуществляется за счет различных признаков состава, которые выступают в качестве ее критериев.

Таблица

Распределение правонарушений и преступлений в сфере экономики в КоАП РФ и УК РФ

КоАП РФ	УК РФ
Разделы в Особенной части отсутствуют	Раздел VIII Преступления в сфере экономики
Глава 7. Административные правонарушения в области охраны собственности	Глава 21 «Преступления против собственности»
Глава 14. Административные правонарушения в области предпринимательской деятельности и деятельности саморегулируемых организаций Глава 15. Административные правонарушения в области финансов, налогов и сборов, страхования, рынка ценных бумаг, добычи, производства, использования и обращения драгоценных металлов и драгоценных камней Глава 16. Административные правонарушения в области таможенного дела (нарушение таможенных правил)	Глава 22 «Преступления в сфере экономической деятельности»
Схожая глава отсутствует	Глава 23 «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях»

Исследование правонарушений и преступлений в сфере экономики, показывает, что критериями дифференциации выступают следующие признаки состава:

1) размер совершенного деяния или размер причиненного ущерба (например, ст.ст. 158, 165, 167, 171, 178 УК РФ и др.);

2) признаки квалифицированных составов хищений, предусмотренных частями второй, третьей и четвертой ст.ст. 158–160 УК РФ;

3) повторность совершения такого же деяния лицом, которая в свою очередь может быть описана в тексте закона тремя разными способами:

а) с использованием признака «неоднократно», (например, ст. 171⁴, 180 УК РФ);

б) с указанием на наличие специального субъекта – лица, подвергнутого административному наказанию (например, ст. 158¹, 191 УК РФ);

в) с использованием признака «систематичность» (в частности, ст. 171² УК РФ).

Размер вреда или совершенного деяния выступает в качестве преобладающего критерия разграничения, повторность используется значительно реже, признаки квалифицированных составов позволяют разграничивать мелкое и уголовно-наказуемое хищение.

Рассматривая размер, как критерий разграничения, хочется остановиться на проблеме определенности данного признака. Размер в статьях Раздела VIII УК РФ может иметь как конкретное, так и оценочное содержание. Оценочный характер данный признак носит в ст. 167 УК РФ, где речь идет о значительном ущербе, определяемом с учетом имущественного положения потерпевшего. До сих пор однозначно не решен вопрос о минимальной границе данного признака для юридических лиц, с учетом буквального толкования пункта 2 примечания к ст. 158 УК РФ, об обстоятельствах, учитываемых при установлении значительности [6, с. 193]. Наличие неопределенности в данном вопросе затрудняет работу правоприменителей, которые в каждом конкретном случае решают вопрос об отнесении совершенного деяния к преступлению и правонарушению. В связи с изложенным, представляется целесообразным не использовать оценочные признаки в качестве критериев межотраслевой дифференциации.

Происходящие в обществе социально-экономические процессы существенным образом влияют на оценку фактической общественной опасности того или иного деяния, отнесению его к преступлениям или административным правонарушениям с учетом инфляционных процессов. Как отмечает О.С. Капинус, «давно назрела необходимость частичной декриминализации ненасильственных хищений посредством изменения критериев межотраслевой дифференциации административной и уголовной ответственности» [4, с. 27–28]. В качестве одного из направлений по совершенствованию межотраслевой согласованности административно-деликтного и уголовного законодательства в области охраны экономики представляется регулярная оценка содержания признаков, имеющих денежное выражение на предмет определения степени общественной опасности и соответствующая корректировка данных признаков с учетом экономической ситуации.

Также следует обозначить некоторые проблемы при использовании признаков отдельных квалифицированных составов как основания разграничения преступлений и административных правонарушений. Так, при оплате в магазине покупок чужой похищенной банковской картой в содеянном имеется квалифицирующий признак, предусмотренный п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ и вне зависимости от размера причиненного ущерба (даже если он менее 2500 рублей), такое деяние будет содержать в себе признаки состава тяжкого преступления. Правоприменительная практика складывается по-разному, в отдельных регионах с учетом незначительной степени общественной опасности такого деяния, совершённого на сумму менее 500 или 1000 рублей, при оценке подобных деяний применяют положения ч. 2 ст. 14 УК РФ. Привлечение к административной ответственности в данном случае невозможно в силу буквального толкования ст. 7.27 КоАП РФ. Однако, на наш взгляд, не привлечение к ответственности вообще способствует формированию у отдельных лиц ощущения безнаказанности. В связи с изложенным, представляется целесообразным и своевременным пересмотреть степень общественной опасности данного квалифицирующего признака и сформировать руководящие разъяснения для правоприменителей.

Также определенный интерес представляет вопрос о дифференциации административной и уголовной ответственности за незаконное предпринимательство. Критерием дифференциации в данном случае выступает не только размер совершенного деяния либо причиненного ущерба, но также и разновидность «незаконности». В ст. 14.1 КоАП РФ предусмотрена ответственность за незаконное предпринимательство, осуществляемое в соответствии с ч. 1 без государственной регистрации, с ч. 2 – без специального разрешения (лицензии), с ч.ч. 3–4 – с нарушением или грубым нарушением лицензионных требований и условий. Федеральным законом от 7 апреля 2010 года № 60-ФЗ из диспозиции ст. 171 УК РФ было исключено указание на осуществление предпринимательской деятельности с нарушением лицензионных требований и условий. Однако, в абзаце 2 пункта 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.11.2004 № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» до настоящего времени имеется разъяснение по утратившей силу редакции ст. 171 УК РФ, которая предусматривала уголовную ответственность за незаконное предпринимательство с нарушением лицензионных требований и условий, что может вводить правоприменителей в заблуждение, особенно при сопоставлении текстов ст. 171 УК РФ и ст. 14.1 КоАП РФ. Как разъяснил в последующем Конституционный Суд РФ в Определении от 10.10.2019 г. № 2685-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Байло Юрия Владимировича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 171 Уголовного кодекса Российской Федерации», такое деяние вне зависимости от размера ущерба образует состав административного правонарушения. Представляется, что разъяснение, имеющееся в абзаце 2 пункта 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.11.2004 № 23, целесообразно было уточнить, акцентировав внимание на том, что данный вид незаконного предпринимательства при совершении его в любом размере влечет лишь административную ответственность.

Повторность в виде административной преюдиции получает все более широкое распространение в уголовном законодательстве: по состоя-

нию на март 2022 года в УК РФ содержится уже 22 подобных статьи.

Представляет интерес признак «неоднократность», который имеет различное содержание в тексте статей УК РФ. Так, в пункте 2 примечания к ст. 171⁴ УК РФ неоднократность применительно к данной статье означает совершение преступления лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние. Содержание такого же признака применительно к ст. 180 УК РФ раскрывается в пункте 15 Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26.04.2007 № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака», и в данном случае оно связано с его совершением два и более раза, но не требует обязательного наличия административной преюдиции. Схожая ситуация складывается с признаком «систематичность», содержание которого применительно к ст. 171² УК РФ предполагает совершение деяния в виде предоставления помещений более двух раз, наличие административной преюдиции также не требуется. Представляется, что с учетом принципа правовой определенности необходимо в тексте уголовного закона использовать термины, имеющие одинаковое содержание, особенно в рамках законодательной дифференциации административной и уголовной ответственности.

Несмотря на то, что законодатель последовательно расширяет количество составов преступлений, содержащих административную преюдицию, в литературе сформировалось мнение о том, что повторность совершения деяния не может выступать в качестве критерия общественной опасности, отграничивающего административные правонарушения от преступлений, таковым должно выступать только общественно-опасное деяние [5, с. 134]. Данный вопрос требует глубокой проработки и связан с глобальным реформированием административного и уголовного законодательства, на которое необходимо время. Правоприменительная же деятельность осуществляется постоянно и, несмотря на наличие проблем системного характера, нормы действующего законодательства постоянно применяются с учетом имеющихся признаков. В настоящее время основным направлением представляется

возврат к системности в тексте уголовного закона, придание единообразного содержания используемым признакам.

Таким образом, основными направлениями по совершенствованию законодательной дифференциации административной и уголовной ответственности за нарушения в сфере экономики могут быть:

– отказ от использования оценочных признаков при конструировании смежных норм;

– придание единообразного содержания терминам, используемым в диспозициях статей;

– регулярная оценка и при необходимости актуализация размеров дифференцирующих признаков, имеющих конкретное денежное содержание;

– актуализация руководящих разъяснений в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ с учетом изменений действующего законодательства и социальных процессов.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Арзамасцев М.В. Правила оценки признаков деяний, дифференцирующих административную и уголовную ответственность // Уголовное право. 2017. № 2. С. 12–20.

2. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности: монография. – М.: РАП, 2008. 324 с.

3. Егорова М.А. Правовые режимы антиконкурентных действий: монография. М.: Юстицинформ, 2021. 244 с.

4. Капинус О.С. Законодательные инициативы о регламентации в Уголовном кодексе РФ уголовного проступка: критический анализ // Российская юстиция. 2021. № 3. С. 25–29.

5. Лопашенко Н.А., Голикова А.В., Кобзева Е.В., Ковлагина Д.А. Общественная опасность преступления: понятие и критерии верификации // Право-применение. 2020. Т. 4. № 4. с. 124–140.

6. Огарь Т.А. Учет материального положения потерпевшего при установлении оценочного признака «значительный ущерб» в статье 167 УК РФ «Умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества» // Уголовное право, уголовный закон: теория и практика: сб. науч. статей / под ред. д-ра юрид. наук, проф. В.И. Тюнина. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2017. С. 191–195.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

ОГАРЬ Татьяна Андреевна – начальник кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России кандидат юридических наук, доцент. Контакты: ул. Летчика Пилотова, д. 1, Санкт-Петербург, Россия, 198206.
E-mail: tat-kap@yandex.ru Тел. 8(962)6916824.

AUTHOR

OGAR Tatyana A. – Head of the Department of criminal law of Saint Petersburg University of the MIA of Russian Federation, PhD in law, Associate Professor. Contacts: ul. Letchika Pilyutova, d. 1, St.-Petersburg Russia, 198206.

Дата поступления статьи в редакцию: 29.04.2022 г.

РАЗДЕЛ 5. ЗАРУБЕЖНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 343

Mario Antinucci

School of specialization for legal professions at Sapienza university of Rome.

THE APPLICANT'S IRREDUCIBLE LIFE SENTENCE BREACHED THE CONVENTION: THE ECHR LEADING CASE MARCELLO VIOLA V. ITALY AND THE UE LAW IN THE PANDEMIC EMERGENCY CONTEXT

Abstract. The European Court of Human Rights when asked about compliance with the conventional principles of life imprisonment provided by the Italian law, considered this regime to be in contrast with Article 3 of the Convention. In particular, the presumption of danger established by law, which can be overcome only through cooperation with the justice system, does not allow to verify neither the progress that the prisoner has made during the atonement of the sentence nor if the restriction of liberty is still justified. The impossibility of carrying out such a check turns a penalty which in itself could be legitimate into an inhuman or degrading treatment, as such contrasting with article 3 of the Convention. The UE legal framework will therefore have to comply with the decision of the ECHR *Marcello Viola v. Italy* on <<The right to hope>>, jurisprudence that does nothing more than reaffirm the primacy of UE jurisprudence over national jurisprudence, even in the pandemic emergency context.

Key words: rights, Italian law, degrading treatment, justice

On the occasion of scientific webinar <<*Reform of criminal justice in the latin America and comparative aspects*>> organized in the 2017 by Sapienza University of Rome, Saint Petersburg State University of Economics and Antioquia University of Medellin – Colombia [1], we discussed about <<*The right to hope*>>, dealing with the question whether the extradition of a person to a foreign state where is accused of a crime for which a sentence of life imprisonment can be imposed can potentially violate article 3 of the European Convention on Human Rights.

Concurring opinion of Judge Power-Forde in a leading case *Vinter and Others v. U.K.* (Grand Chamber of 9 July 2013) pointed out, overall, it appears that the legal world may have been too quick to laud the arrival of the <<*The right to hope*>>. He said: <<*We are still some way from gaining certainty in this area, which was, ironically, the very complaint of the Grand Chamber in Vinter*>> [2].

In the 7th of October 2019 the Grand Chamber *Viola c. Italy* for the first time decided that

irreducible life sentence breached the European Convention of Human Rights under article 3.

The Court stressed that it would be incompatible with human dignity – which lay at the very essence of the Convention system – to deprive persons of their freedom without striving towards their rehabilitation and providing them with the chance to regain that freedom at some future date. Thus, the Court considered that the life sentence imposed on Mr Viola under section 4 *bis* of the Prison Administration Act (*ergastolo ostativo*) restricted his prospects for release and the possibility of review of his sentence to an excessive degree. Accordingly, his sentence could not be regarded as reducible for the purposes of Article 3 of the Convention.

The Court also observed that a situation could reasonably be imagined whereby a convicted prisoner cooperated with the authorities without this signifying any rehabilitation on his or her part or a genuine severing of contact with criminal circles. Regarding cooperation with the authorities as the only possible

indication that a prisoner had broken off contact with criminal circles and been rehabilitated failed to take account of other indicators that could be used to assess his or her progress. It could not be ruled out that the severing of ties with Mafia circles might be expressed in ways other than cooperation with the judicial authorities.

The Court pointed out that the Italian prison system offered a range of progressive opportunities for contact with society – such as outside work, release on licence, prison leave and a semi-custodial regime – designed to ease the prisoner’s resocialisation. However, Mr Viola had not been granted these opportunities despite the fact that the reports on his conduct in prison submitted in support of his applications for release on licence had reported a positive change in his personality. Moreover, Mr Viola pointed out that he had never had any disciplinary sanctions imposed on him since his conviction and had built up entitlement to be released five years early; however, he had been unable to take advantage of this owing to his refusal to cooperate.

Shortly after this historical decision by the EU Court, the Italian Constitutional Court [3] sentenced that the absolute presumption of the offender danger is unconstitutional because no one can be deprived of <<*The right to hope*>>.

It is not the presumption itself that is constitutionally illegitimate. In fact, it is not unreasonable to presume that the convicted person who does not cooperate will keep alive the links with the criminal organization he originally belonged to, provided that it is expected that this presumption is **relative** and not **absolute** and therefore can be overcome by evidence to the contrary.

While a discipline based on the relative nature of the presumption remains within the limits of a legislative choice constitutionally compatible with the objectives of special prevention and with the imperatives of resocialization inherent in the penalty, it does not, however, bear comparison with Articles 3 and 27, third paragraph, Const. – to the specific and limited purposes of the case in question – a discipline which assigns absolute character to the presumption of topicality of the connections with organized crime.

This in three distinct but complementary ways.

In the first sense, because the absoluteness of the presumption is based on the need for investigation, criminal policy and collective security which affect

the ordinary course of execution of the sentence, with further afflictive consequences for the non-cooperative prisoner.

In a second sense, because such absoluteness prevents the evaluation of the prison path of the convicted person, in contrast with the re-educational function of the sentence, understood as the recovery of the offender to social life, pursuant to Art. 27, third paragraph, of the Constitution.

In a third sense, because the absoluteness of the presumption is based on a generalization, which can instead be contradicted, under certain and strict conditions, by the formulation of contrary allegations that contradict the assumption, and which must be able to be subject to specific and individualizing evaluation by the supervisory judiciary.

In this context, the partially ablatory intervention carried out on mafia-related organised crime offences must be reflected in the conditions set out in the first paragraph of the censored rule, with a view to access to the bonus permit for convicted persons for all the other offences on the list.

If this were not the case, the present judgment would create a paradoxical disparity, to the detriment of prisoners for crimes for which both the requirement (for the purposes of access to prison benefits) of collaboration with the judiciary and the demonstration of the absence of links with a non-existent criminal association of original membership may be unjustified.

On the contrary, the failure to extend to all the crimes provided for in the first paragraph of Art. 4-bis, Penal Ordinance, the intervention made by the present sentence on the crimes of mafia association and “mafia context” would end up compromising the same intrinsic coherence of the entire resultant discipline.

Ultimately, the profiles of constitutional illegality relative to the absolute nature of the presumption draw both the discipline, censured herein, applicable to prisoners for the crimes referred to in Article 416-bis of the Penal Code, and for those committed making use of the conditions provided for by the same article or in order to facilitate the activity of the associations provided for therein, and the identical discipline provided for by the same Article 4-bis, paragraph 1, of the Penal Ordinance for prisoners for the other crimes contemplated therein.

Consequently, the Italian Constitutional Court only in 2019, in application of ECHR jurisprudence, declares the constitutional illegitimacy of Article 4-bis,

paragraph 1, of Law No 354 of 26 July 1975 (Provisions on the Prison System and the Enforcement of Custodial and Restrictive Measures), in so far as it does not provide that, to persons detained for the offences referred to in Article 4-bis, paragraph 1, of Law No 354 of 26 July 1975 (Provisions on the Prison System and on the Enforcement of Custodial and Restrictive Measures), the following shall be deemed to be unlawful 416-bis of the Penal Code and for those committed using the conditions provided for in the same article or in order to facilitate the activity of the associations provided for in it, may be granted bonus permits even in the absence of cooperation with justice under Article 58-ter of the same Penal Code, when elements have been acquired such as to exclude both the topicality of links with organised crime and the danger of re-establishing such links.

All the European Union's legal framework will therefore have to comply with the decision of the ECHR *Marcello Viola v. Italy* on <<The right to hope>>, jurisprudence that does nothing more than reaffirm the primacy of Community jurisprudence over national jurisprudence.

In the outlined context, there emerges a profile of burning topicality in the political-economic system of the European Union with regard to the well-known ruling of the German Constitutional Court of Karlsruhe [4], which pretends to prevail over the decisions of the European Union.

At an extraordinary meeting of the European Central Bank held on 18 March 2020, the Governing

Council decided to launch a new programme called the Pandemic Emergency Purchase Programme (PEPP), with the aim of countering the serious and growing risks to the monetary policy transmission mechanism and growth prospects arising from the spread of the coronavirus COVID-19.

The PEPP provides for additional purchases of public and private securities totalling 750 billion until the end of 2020.

The judges of the German Constitutional Court (Bundesverfassungsgericht) on 5 May 2020 ruled, for the first time in history, that the Luxembourg-based European Court of Justice acted outside its jurisdiction, **ultra vires**, i.e. illegally, when it issued a judgment on the purchase of public debt.

The judges also decided that that judgment is not applicable in Germany.

The EU Court of Justice intervenes after the German Constitutional Court's ruling on the ECB and does so in order to defend its competences and prerogatives.

An unusual position for the European institution, but made necessary by the escalation of controversy following the ruling of the Karlsruhe Court, which in fact called into question the legal supremacy of the European Court of Justice.

“In order to ensure uniform application of Union law, only the Court of Justice,” says the Luxembourg-based institution established for that purpose by the Member States, *“is competent to find that an act of an institution of the Union is contrary to Union law”*.

REFERENCES

1. Webinar with Universities on *“Reform of Criminal Justice in Latin America and comparative aspects”*, 7th February 2017, Villa Lubin, Rome, <https://elearning.unitelma.it/course/view.php?id=2879> – <https://www.sspl.uniroma1.it/>

2. ANTINUCCI, *Life sentence penalty and extradition under article 3 of the ECHR: a leading case of the*

European Court of Human Rights, in *Iliria International Review*, 7, 1, 2017, <https://iliriapublications.org/index.php/iir/article/view/288>

3. C. Cost., 4th of December 2019, 253, www.cortecostituzionale.it

4. <https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Pressemitteilungen/DE/2020/bvg20-032.html>

AUTHOR

ANTINUCCI MARIO – Supreme court criminal lawyer, prof. of criminal procedure at the school of specialization for legal professions at Sapienza University of Rome.

Дата поступления статьи в редакцию: 7.05.2022 г.

РАЗДЕЛ 6. РЕЦЕНЗИИ, ОТЗЫВЫ, ДИСКУССИИ

ОТЗЫВ

ведущей организации – ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет» –
на диссертацию Ткачевой Светланы Валерьевны
«Назначение и исполнение наказаний, не связанных с лишением свободы, за ненасильственные корыстные преступления против собственности»,
представленной на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 – уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

Актуальность представленной диссертационной работы обусловлена неизменным научным и практическим интересом, который вызывает проблема эффективности системы наказаний, поиск оптимальной пенитенциарной модели, применение которой позволило бы существенным образом сократить уровень рецидивной преступности.

Избранная автором в качестве объекта исследования совокупность ненасильственных корыстных преступлений против собственности отличается стабильно высокими показателями в общей массе преступности и демонстрирует тенденцию к росту, что подтверждается приводимыми диссертантом статистическими данными (с. 4 диссертации). Применяемые традиционно меры наказания, связанные с лишением свободы, очевидно не показывают своей однозначной эффективности применительно к данным посягательствам, однако и попытки гуманизации наказания путем применения мер, не связанных с лишением свободы, также недостаточно действенны. Исследование причин такого положения дел, выработка на этой основе оптимальных путей реформирования системы наказаний сквозь призму их назначения и исполнения представляются востребованными и логично вписывающимися в реализуемую в Российской Федерации судебно-правовую реформу и, как ее часть, реформу уголовно-исполнительной системы. В этой связи исследование специфики назначения и исполнения наказаний, не связанных с лишением свобо-

ды, за ненасильственные корыстные преступления против собственности на уровне кандидатской диссертации, предложенное Ткачевой С.В., представляется весьма своевременным.

Об актуальности диссертационной работы в определенной степени свидетельствует ее **научная новизна**. Вниманию представлено комплексное исследование, несомненно, актуальных вопросов, касающихся назначения и исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, за ненасильственные корыстные преступления против собственности. Автором собран и проанализирован богатый фактический материал, затрагивающий данную проблематику, что свидетельствует о несомненной научной новизне проведенного диссертантом исследования.

Объект и предмет диссертационной работы, связанной с исследованием общественных отношений, возникающих в связи с назначением и исполнением наказаний, не связанных с лишением свободы, за корыстные ненасильственные преступления против собственности, обозначены верно и соответствуют заявленной в названии диссертации проблеме.

Подробное знакомство с диссертацией свидетельствует о том, что автору в целом удалось достичь поставленной перед исследованием **цели**, а именно разработать теоретическую и практико-ориентированную концепцию, направленную на совершенствование назначения и исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, за

ненасильственные корыстные преступления против собственности (с. 8 диссертации). Исходя из поставленной цели, логически верными представляются и сформулированные задачи, о достижении которых свидетельствуют представленные автором результаты исследования.

Не вызывают сомнений **методологическая, теоретическая, нормативно-правовая и эмпирическая базы исследования**. Характеризуя различные аспекты анализируемой проблемы, автор использовал диалектический метод познания. Использовались как общенаучные, так и частные методы: сравнительно-правовой, историко-юридический, системно-структурный, аксиологический, метод экспертных оценок и другие.

Теоретическую основу исследования составили труды таких известных российских ученых как А.И. Аносов, М.Н. Гернет, С.К. Гогель, А.Н. Круглевский, С.В. Познышев, А.Н. Радищев, Н.Д. Сергеевский, Н.С. Таганцев, И.Я. Фойницкий, Ю.Ф. Беспалов, А.В. Бриллиантов, В.В. Векленко, В.А. Владимиров, А.Д. Гаухман, Ю.В. Голик, В.К. Дуюнов, О.А. Егорова, С.М. Кочои, В.А. Ломако, Н.А. Лопашенко, В.В. Мальцев, И.М. Мацкевич, С.Ф. Милюков, М.Г. Миненок, А.Ф. Мицкевич, Т.В. Непомнящая, В.И. Плохова, С.В. Познышев, Т.Ю. Погосян, А.А. Пионтковский, А.И. Рарог, О.В. Старков, М.Д. Шаргородский, Д.А. Шестаков, П.С. Яни и др. Изучены диссертационные исследования, затрагивающие в той или иной мере проблематику представленной вниманию работы. Нормативную базу работы составили Конституция РФ, российское уголовное законодательство и другие нормативные акты, относящиеся к теме диссертации.

Научные выводы диссертанта подкреплены результатами эмпирического исследования. Авторские выводы сделаны на основе результатов анкетирования 120 судей судов общей юрисдикции, 40 сотрудников органов прокуратуры, 30 адвокатов, 35 инспекторов Управлений ФСИН, 37 судебных приставов – исполнителей, проведенного в 2015–2019 гг. в нескольких субъектах Федерации, а также анализа 700 уголовных дел о преступлениях против собственности и 800 материалов, рассмотренных судами первой инстанции Калининградской, Кемеровской, Томской, Архангельской областей, Краснодарского края и других регионов, о замене одного вида наказа-

ния другим, а также об отмене условного осуждения, за период с 2012 по 2020 г. (с. 10 диссертации).

Диссертационное исследование Ткачевой С.В. имеет **теоретическую и практическую значимость**. Сделанные в ходе исследования теоретические выводы и практические предложения могут быть использованы 1) в нормотворческой деятельности по совершенствованию уголовного и уголовно-исполнительного законодательства; 2) в практической работе судебных органов, ФСИН, ФССП России, органов Прокуратуры РФ; 3) в научно-исследовательской и преподавательской деятельности.

Апробация результатов исследования представляется достаточной. Основные выводы нашли отражение в 13 научных статьях автора, опубликованных в том числе в 9 журналах, рекомендованных ВАК при Минобрнауки РФ, а также в научных сообщениях и докладах на конференциях различных уровней и в учебных аудиториях. Результаты исследования внедрены в практическую деятельность УФСИН по Калининградской области, УФССП по Калининградской области.

Структура диссертации, на наш взгляд, вполне логична. Диссертация состоит из введения, трех глав, объединяющих девять параграфов, последовательно раскрывающих ее содержание, заключения, списка нормативных актов и используемой литературы, приложений.

Во введении обосновывается актуальность избранной темы, формулируются цели и задачи исследования, его методологическая основа, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, представлены положения, выносимые на защиту.

Глава первая диссертации посвящена исследованию особенностей становления и развития отечественного законодательства о наказании за ненасильственные корыстные преступления против собственности. *Первый параграф* работы дает представление о досоветском периоде развития уголовно-правового регулирования пенологических конструкций в отношении ненасильственных корыстных посягательств против собственности. Анализируя данный период, автор отмечает наметившиеся тенденции гуманизации наказания и перемещение акцента в сторону применения штрафа, акцентируя внимание на исторических

перспективах применения данного вида наказания. *Второй параграф* посвящен исследованию вопросов законодательной регламентации вопросов, касающихся исследуемой проблематики, в советский и постсоветский периоды. Отмечены как отрицательные, так и положительные моменты правового регулирования, что может быть учтено при конструировании оптимальной модели современной системы наказаний. В частности, заслуживает внимания авторское предложение об «использовании осужденных за преступления против собственности на работе в сфере сельскохозяйственного производства, поскольку это как минимум повысит трудовую мотивацию осужденных, снизит напряженность на рынке труда и, как следствие, позволит достичь целей наказания, предусмотренных ст. 43 УК РФ» (с. 47 диссертации). *В третьем параграфе* автором проводится криминологическое исследование современного состояния применения наказания за ненасильственные корыстные посягательства против собственности. На основе статистических данных МВД, Судебного департамента, изученных автором материалов судебной практики сформирована современная картина преступности, связанной с имущественными посягательствами, представлен криминологический портрет преступника, совершающего преступления против собственности.

Во второй главе диссертации автор анализирует проблемы назначения, исполнения и замены отдельных видов наказаний, не связанных с лишением свободы за ненасильственные корыстные посягательства против собственности. *Параграф первый* данной главы посвящен анализу проблемных вопросов назначения и исполнения штрафа. Диссертант на основе данных судебной статистики, анализа уголовных дел с назначенным наказанием в виде штрафа акцентирует внимание на существующих пробелах в правовом регулировании и предлагает пути их решения. Отдельного внимания заслуживает предложение о предоставлении осужденному, не имеющему возможности оплатить назначенный штраф, права данный штраф отработать, описание механизма реализации авторского предложения (с. 85–89 диссертации). Кроме того, диссертант предлагает имеющий практический интерес механизм замены наказания в виде штрафа иным видом, не связанным с лишением сво-

боды (с. 93–95 диссертации). *Во втором параграфе* представлен анализ теории и практики применения наказания в виде обязательных работ. Автором отмечается карательный характер данного вида наказания, но в то же время указывается на его ресоциализационный потенциал: осужденный не лишается прав, у него сохраняются социальные связи, но его правовой статус дополняется некоторыми обязанностями. На этой основе диссертантом делается вывод о «завышенном карательном уровне» данного вида наказаний в УК РФ и предлагается снять ограничения на его применение в отношении осужденных беременных женщин, имеющих детей до 3-х лет, инвалидов I группы с учётом индивидуальной программы реабилитации (абилитации) (с. 119 диссертации). *Третий параграф* посвящен исследованию проблем назначения и исполнения наказания в виде исправительных работ. Следует отметить авторское предложение о введении в уголовно-исполнительное законодательство нормы, предусматривающей поощрение в виде условно-досрочного освобождения осужденных к исправительным работам в том случае, если они доказали свое исправление (с. 137 диссертации). *В четвертом параграфе* автор анализирует проблемные вопросы назначения и исполнения наказания в виде ограничения свободы. Определенный научный и практический интерес представляет предложение о конкретизации уголовно-правовых норм путем указания на то, что наказание в виде ограничения свободы отбывается осужденным по месту его жительства или месту пребывания (с. 151 диссертации).

Глава третья диссертации посвящена исследованию актуальных вопросов назначения и применения условного осуждения к лишению свободы как меры уголовно-правового характера за ненасильственные корыстные преступления против собственности. *В первом параграфе* диссертант анализирует общие вопросы, касающиеся правовой природы условного осуждения, отмечает значительное количество случаев условного осуждения за ненасильственные корыстные посягательства, имеющее тенденции к росту (с. 170–171 диссертации). Подробно анализируя судебную практику об условном осуждении, автор отмечает необходимость особого учета характеризующих личность обстоятельств при условном

осуждении, вносит предложения по изменению уголовного законодательства в части ограничения применения условного осуждения и определения размера испытательного срока. *Второй параграф* посвящен анализу спорных вопросов назначения и исполнения условного осуждения за ненасильственные корыстные преступления. Заслуживают внимания авторские предложения о необходимости разработки и законодательного закрепления механизма трудоустройства условно осужденных (с. 190 диссертации) и законодательной регламентации нормы об установлении судом осужденному, не имеющему постоянного места работы, с учётом его возраста, трудоспособности, состояния здоровья, обязанности трудоустроиться (с. 202 диссертации).

В заключении подводятся итоги исследования, формулируются основные выводы и предложения.

Диссертация отвечает предъявляемым требованиям, подкреплена качественным судебно-практическим материалом, по тексту снабжена уместным научным аппаратом.

Автореферат в полной мере отражает основные положения и выводы, изложенные в диссертационной работе.

Вместе с тем диссертация, как и всякое творческое исследование, не лишена **некоторых спорных положений**, к числу которых можно отнести следующие:

1) Некоторые выводы и положения диссертационной работы представляются недостаточно обоснованными. Так, анализируя динамику зарегистрированных преступлений против собственности, автор, отмечая наблюдающиеся спады и подъемы, объясняет это латентностью указанных преступлений (с. 52 диссертации). Представляется, этот вывод нуждается в дополнительной аргументации.

2) Акцентируя внимание в своей работе на высокой латентности ненасильственных корыстных преступлений против собственности, автор не приводит убедительной аргументации данному утверждению (сс. 59,60 диссертации).

3) Спорным представляется сформулированный диссертантом на основе анализа исторического опыта законодательного регулирования вывод о том, что «законодатель использовал механизм обеспечения реализации права потер-

певшего на возмещение ущерба, причинённого преступлением, а именно – даже в случае несостоятельности виновного, если осуждённый к штрафу не мог его выплатить, то его либо заключали в тюрьму, либо определяли на работы, чтобы все заработанные средства были обращены в счёт уплаты штрафа» (с. 66 диссертации). В том, что не уплатившего штраф осужденного заключали в тюрьму либо принуждали к отработке штрафа, достаточно сложно усмотреть механизм обеспечения прав именно потерпевшего, как об этом можно судить из авторской формулировки. Во всяком случае данное положение нуждается в дополнительном обосновании.

4) Анализируя статистические данные о мошенничестве, представляя криминологический портрет преступника-мошенника, автор, как представляется, демонстрирует картину, характерную для 2000–2010 годов, не учитывая современные реалии, отмеченные экспоненциальным увеличением количества так называемых «кибермошенничеств» (с. 57, 58 диссертации). В целом работа бы только выиграла, если бы автор в своем исследовании погрузился бы и в вопросы назначения наказаний за ненасильственные корыстные преступления, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в Интернет-пространстве.

5) Дополнительные пояснения требует утверждение автора о том, «что применение штрафа всегда коррелирует с социально-экономическими показателями, характеризующими качество и условия населения, его платежеспособностью» (с. 69 диссертации). В данном аспекте не совсем понятно о каком качестве и условиях населения идет речь, какие критерии могут быть использованы для оценки данных параметров.

6) Формулируя представляющее интерес предложение о предоставлении осужденному возможности отработать невыплаченную сумму штрафа, диссертант предлагает работодателю перечислить данную сумму в фонд «Круг добра» (с. 86,87 диссертации), объясняя это психологическим эффектом – осужденный будет понимать, что «заработанные деньги идут в помощь тяжело больным детям» (с. 86 диссертации). Однако такое предложение вызывает вопрос относительно чрезмерной, как представляется, адресности направления денежных средств: почему именно

в этот фонд, и почему наименование фонда должно быть конкретно указано в правовой норме?

7) Обозначая в названии главы 3 условное осуждение как иную меру уголовно-правового характера (с. 165 диссертации), в дальнейшем на страницах диссертации автор не приводит положений, подтверждающих данное утверждение, не аргументирует свою собственную позицию по данному вопросу. В то время как наличие такой аргументации позволило бы яснее понять авторский подход к вопросу о сущности условного осуждения за ненасильственные корыстные преступления против собственности.

Однако данные замечания в целом являются дискуссионными, не носят принципиального характера и не оказывают влияния на общее положительное впечатление от проведенного диссертантом исследования.

С учетом вышеизложенного можно сделать **закключение** о том, что диссертация Ткачевой Светланы Валерьевны на тему «Назначение и исполнение наказаний, не связанных с лишением свободы, за ненасильственные корыстные преступления против собственности», представленная на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право является комплексным, самостоятельным, имеющим внутреннее единство монографическим исследованием одной из актуальных проблем современной уголовно-правовой науки. Рукопись диссертации соответствует требованиям п. 9–11 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 (ред. от 01.10.2018 г., с изм. от 26.05.2020 г.).

Научная новизна и значимость диссертационного исследования С.В. Ткачевой заключаются в решении важной для уголовно-правовой науки задачи: разработки теоретической и практикоориентированной пенологической модели, направленной на совершенствование назначения и исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, за ненасильственные корыстные преступления против собственности

Личный вклад С.В. Ткачевой в проведенное исследование подтверждается самостоятельностью в определении научной проблемы, постановке цели и задач исследования, корректном выборе методов исследования, в осуществленном лично сборе и обработке источников, получении новых научных результатов, в публикациях, выступлениях на научных конференциях и самостоятельно проведенных криминологических исследованиях.

Результаты диссертационного исследования имеют существенное теоретическое и прикладное значение, а его автор – Ткачева Светлана Валерьевна – заслуживает присуждения искомой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Отзыв подготовлен кандидатом юридических наук, доцентом, деканом юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета Крайновой Н.А.

Отзыв ведущей организации обсужден и одобрен на заседании кафедры уголовного права и уголовного процесса Санкт-Петербургского государственного экономического университета от «01» июля 2021 г. (протокол № 12).

СВЕДЕНИЯ О ЛИЦЕ, ПОДГОТОВИВШЕМ ОТЗЫВ

КРАЙНОВА Надежда Александровна – кандидат юридических наук, доцент (специальность 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право), декан юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета. Email: kraynova.n@unecon.ru

Адрес организации: ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет» Россия, 191023, Санкт-Петербург, улица Садовая, дом 21. Тел.: (812) 602–23–23, e-mail: dept.fur@unecon.ru <https://unecon.ru/>

Дата поступления материала в редакцию: 16.06.2022 г.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Учёные записки юридического факультета» Санкт-Петербургского государственного экономического университета приглашает к сотрудничеству авторов научных работ – правоведов, юристов практиков, сотрудников органов государственной власти и местного самоуправления.

Присланные авторами статьи проходят обязательное рецензирование. Материалы аспирантов принимаются при наличии рекомендации научного руководителя.

Для публикации необходимо все материалы предоставить ответственному секретарю редакционной коллегии на электронном носителе или направить по электронной почте в адрес журнала. Правила оформления статьи размещены на официальном сайте СПбГЭУ [https:// unecon.ru/izdaniya](https://unecon.ru/izdaniya) в разделе «Журнал «Ученые записки юридического факультета»».

Редакция оставляет за собой право не рассматривать рукописи, оформленные не в соответствии с указанными требованиями.

Контактная информация:

Почтовый адрес: 190005, г. Санкт-Петербург,
7-я Красноармейская ул., д. 6/8 Телефон: 8 (812) 458–97–65,

E-mail: zapiski@unecon.ru

Научное издание

**УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА**

Выпуск 2

Подписано в печать 00.06.2022. Формат 60×84 1/8.
Усл. печ. л. 8,25. Тираж 1600 экз. Заказ 494.

Издательство СПбГЭУ. 191023, Санкт-Петербург,
наб. канала Грибоедова, д. 30-32, лит. А.

Отпечатано на полиграфической базе СПбГЭУ